

№2 (2) 2023

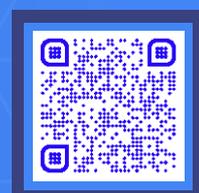
ISSN 3005-2246 (Online)

SOT TÖRELIGI AKADEMĪASYNYŅ HABARŞYSY

BULLETIN
OF THE ACADEMY
OF JUSTICE

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ
ПРАВОСУДИЯ

2023 № 2 (2)

**«СОТ ТӨРЕЛІГІ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ХАБАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ**

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВОСУДИЯ»**

**SCIENTIFIC JOURNAL
«BULLETIN OF THE ACADEMY OF JUSTICE»**

**«СОТ ТӨРЕЛІГІ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ХАБАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ
2023 № 2 (2)**

«Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі Академиясы» –
РММ (республикалық мемлекеттік мекеме)
2023 жылдан бастап шығарылады.
Жылына 4 рет шығарылады.
Жарияланым тілдері – қазақ, орыс, ағылшын.

Журнал Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрлігінде (бұдан әрі – Министрлік)
тіркелген, 2023 жылғы «24» ақпандағы № KZ57VPY00065448 тіркеу куәлігі.
«Сот төрелігі академиясының хабаршысы» желілік басылымы Министрлікте тіркелген,
2023 жылғы «31» наурыздағы №KZ71VPY00067233 тіркеу куәлігі.

Редакциялық кеңестің құрамы:

Баймолдина З.Х. – з.ғ.к., профессор – төрайым;

Бурбаев Т.К. – филос.ғ.д., профессор – төрайымның орынбасары.

Редакциялық Кеңес мүшелері:

Мерғалиев А.А. – Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының Төрағасы;

Ганибаева Ш.К. – з.ғ.к., доцент (Өзбекстан);

Ибраева А.С. – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);

Карагусов Ф.С. – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);

Конусова В.Т. – з.ғ.к., (Қазақстан);

Кулдышева Г.К. – з.ғ.д., профессор (Қырғызстан);

Лещенко С.К. – з.ғ.к., доцент (Беларусь)

Малиновский В.А. – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);

Моисеева Т.Ф. – з.ғ.д., профессор (Ресей Федерациясы);

Нурмагамбетов А.М. – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);

Порохов Е.В. – з.ғ.д., профессор (Қазақстан);

Рахметов С.М. – з.ғ.д., профессор (Қазақстан).

Редакциялық алқаның құрамы:

Абдрашев Р.М. – Сот төрелігі академиясы Қылмыстық-құқықтық пәндер ғылыми-
білім беру орталығының профессоры, з.ғ.д.;

Абилова М.Н. – Сүлейман Демирел атындағы университеттің қауымдастырылған
профессоры, PhD докторы;

Амангелдин А.Т. – Астана қаласының мамандандырылған ауданаралық әкімшілік
сотының судьясы, з.ғ.м.;

Биебаева А.А. – Сот төрелігі академиясы Қылмыстық-құқықтық пәндер ғылыми-
білім беру орталығының директоры, з.ғ.к., қауымдастырылған профессор – қылмыстық
құқықтық бағыт бойынша жауапты редактор;

Джусупова Р.С.-А. – Сот төрелігі академиясы Мемлекеттік-құқықтық пәндердің ғы-
лыми-білім беру орталығының доценті, филос. ғ.к.;

Жақаева Л.С. – Сот төрелігі академиясы Мемлекеттік-құқықтық пәндердің ғылыми
- білім беру орталығының профессоры, з.ғ.д.;

Егембердиев Е.О. – Сот төрелігі академиясы Азаматтық-құқықтық пәндердің ғылыми-білім беру орталығының директоры, з.ғ.к. – азаматтық-құқықтық бағыт бойынша жауапты редактор;

Мусенова Э.Е. – М.С.Нәрікбаев атындағы КАЗГЮУ Университетінің teaching professor, з.ғ.к.;

Мусин К.К. – Сот төрелігі академиясы Мемлекеттік-құқықтық пәндердің ғылыми-білім беру орталығының доценті, з.ғ.к.;

Нурышева Т.С. – Сот төрелігі академиясы Мемлекеттік-құқықтық пәндердің ғылыми-білім беру орталығының директоры, з.ғ.к. – мемлекеттік-құқықтық бағыт бойынша жауапты редактор;

Султанов Р.Р. – Сот төрелігі академиясы Азаматтық-құқықтық пәндердің ғылыми-білім беру орталығының доценті, з.ғ.к.;

Шарапатова Г.С. – Астана қаласының Сарыарқа аудандық сотының судьясы, з.ғ.к.

Редакция құрамы:

Бурбаев Т.К. – Сот төрелігі академиясы Мемлекеттік-құқықтық пәндердің ғылыми-білім беру орталығының профессоры, филос.ғ.д. – Бас редактор;

Асылбекова А.А. – Сот төрелігі академиясы PhD докторы, Академиялық бағдарламалар мен жобалар орталығының халықаралық және зерттеу координаторы – Бас редактордың көмекшісі;

Шоменов А.М. – Сот төрелігі академиясы Ақпараттық технологиялар қызметінің басшысы – дизайнер.

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, Астана қаласы, Бейбітшілік 46.

Телефон: 8-7172-71-08-53

E-mail: vestnikak2023@gmail.com

© Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі Академиясы, 2023 ж.

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВОСУДИЯ»
2023 № 2 (2)**

РГУ «Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан»

Издается с 2023 года.

Выпускается 4 раза в год.

Языки публикации — казахский, русский, английский.

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации общественного развития Республики Казахстан (далее – Министерство), регистрационное свидетельство №KZ57VPY00065448 от «24» февраля 2023 года. Сетевое издание «Вестник Академии правосудия» зарегистрировано в Министерстве, регистрационное свидетельство №KZ71VPY00067233 от «31» марта 2023 года.

Состав Редакционного Совета:

Баймолдина З.Х. – к.ю.н., профессор – председатель;

Бурбаев Т.К. – д.филос.н., профессор – заместитель председателя;

Члены Редакционного Совета:

Мергалиев А.А. – Председатель Верховного Суда Республики Казахстан;

Ганибаева Ш.К. – к.ю.н., доцент (Узбекистан);

Ибраева А.С. – д.ю.н., профессор (Казахстан);

Карагусов Ф.С. – д.ю.н., профессор (Казахстан);

Конусова В.Т. – к.ю.н., (Казахстан);

Кулдышева Г.К. – д.ю.н., профессор (Кыргызстан);

Лещенко С.К. – к.ю.н., доцент (Беларусь);

Малиновский В.А. – д.ю.н., профессор (Казахстан);

Моисеева Т.Ф. – д.ю.н., профессор (Россия);

Нурмагамбетов А.М. – д.ю.н., профессор (Казахстан);

Порохов Е.В. – д.ю.н., профессор (Казахстан);

Рахметов С.М. – д.ю.н., профессор (Казахстан).

Состав Редакционной коллегии:

Абдрашев Р.М. – профессор Научно-образовательного центра уголовно-правовых дисциплин Академии правосудия, д.ю.н.;

Абилова М.Н. – ассоциированный профессор Университета имени Сулеймана Демиреля, доктор PhD;

Амангелдин А.Т. – судья специализированного межрайонного административного суда города Астаны;

Биебаева А.А. – директор Научно-образовательного центра уголовно-правовых дисциплин Академии правосудия, к.ю.н., ассоциированный профессор – ответственный редактор по уголовно-правовому направлению;

Джусупова Р.С.-А. – доцент Научно-образовательного центра государственно-правовых дисциплин Академии правосудия, к.филос.н.;

Жакаева Л.С. – профессор Научно-образовательного центра государственно-правовых дисциплин Академии правосудия, д.ю.н.;

Егембердиев Е.О. – директор Научно-образовательного центра гражданско-правовых дисциплин Академии правосудия, к.ю.н. – ответственный редактор по гражданско-правовому направлению;

Мусенова Э.Е. – teaching professor Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева, к.ю.н.;

Мусин К.К. – доцент Научно-образовательного центра государственно-правовых дисциплин Академии правосудия, к.ю.н.;

Нурышева Т.С. – директор Научно-образовательного центра государственно-правовых дисциплин Академии правосудия, к.ю.н. – ответственный редактор по государственно-правовому направлению;

Султанов Р.Р. – доцент Научно-образовательного центра гражданско-правовых дисциплин Академии правосудия, к.ю.н.;

Шарапатова Г.С. – судья Сарыаркинского районного суда города Астаны, к.ю.н.

Состав Редакции:

Бурбаев Т.К. – профессор Научно-образовательного центра государственно-правовых дисциплин Академии правосудия, д.филос.н. – Главный редактор;

Асылбекова А.А. – координатор исследовательских и международных проектов Центра академических программ и проектов Академии правосудия, доктор PhD – помощник Главного редактора;

Шоменов А.М. – руководитель Службы информационных технологий Академии правосудия – дизайнер.

Адрес редакции: Республика Казахстан, город Астана, Бейбитшилик, 46.

Телефон: 8-7172- 71-08-53

E-mail: vestnikak2023@gmail.com

© «Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан», 2023 г.

SCIENTIFIC JOURNAL
«BULLETIN OF THE ACADEMY OF JUSTICE»

2023 № 2 (2)

RSA «Academy of Justice at the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan»

Published since 2023.

It is produced 4 times a year.

The languages of publication are Kazakh, Russian, English.

The journal is registered with the Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan (hereinafter – the Ministry), registration certificate no.

KZ57VPY00065448 dated February 24, 2023.

The online publication «Bulletin of the Academy of Justice» is registered with the Ministry, registration certificate no. KZ71VPY00067233 dated March 31, 2023.

Members of the Editorial Council:

Baimoldina Z.H. – Candidate of Law, Professor – Chairman;

Burbaev T.K. – D.Philos.N., Professor – Deputy Chairman;

Members of the Editorial Board:

Mergaliev A.A. – Chairman of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan;

Ganibayeva Sh.K. – Candidate of Law, Associate Professor (Uzbekistan);

Ibraeva A.S. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);

Karagusov F.S. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);

Konusova V.T. – Candidate of Law, (Kazakhstan);

Kuldysheva G.K. – Doctor of Law, Professor (Kyrgyzstan);

Leshchenko S.K. – Candidate of Law, Associate Professor (Belarus);

Malinovsky V.A. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);

Moiseeva T.F. – Doctor of Law, Professor (Russia);

Nurmagambetov A.M. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);

Porokhov E.V. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan);

Rakhmetov S.M. – Doctor of Law, Professor (Kazakhstan).

Editorial Board members:

Abdrashev R.M. – Professor of the Scientific and Educational Center of Criminal Law Disciplines, Doctor of Law;

Abilova M.N. – Associate Professor of Suleiman Demirel University, PhD;

Amangeldin A.T. – Judge of the specialized Interdistrict Administrative Court of Astana city;

Biebaeva A.A. – Director of the Scientific and Educational Center of Criminal Law Disciplines, Candidate of Law, Associate Professor – Responsible editor in Criminal Law;

Dzhusupova R.S.-A. – Associate Professor of the Scientific and Educational Center of State and Legal Disciplines, Candidate of Philos.n.;

Zhakaeva L.S. – Professor of the Scientific and Educational Center of State and Legal Disciplines, Doctor of Law;

Yegemberdiev Y.O. – Director of the Scientific and Educational Center of Civil Law Disciplines of the Academy of Justice – Executive editor in the civil law direction;

Musenova E.E. – teaching professor at M.S. Narikbayev KAZGUU University; Candidate of Law;

Musin K.K. – Associate Professor of the Scientific and Educational Center of State and Legal Disciplines of the Academy of Justice, Candidate of Law;

Nurysheva T.S. – Director of the Scientific and Educational Center of State-legal Disciplines of the Academy of Justice, Candidate of Law – Executive editor in the state – legal direction;

Sultanov R.R. – Associate Professor of the Scientific and Educational Center of Civil Law Disciplines of the Academy of Justice, Candidate of Law;

Sharapatova G.S. – Judge of the Saryarkinsky District Court of Astana, Candidate of Law.

Editorial staff:

Burbaev T.K. – Professor of the Scientific and Educational Center of State and Legal Disciplines of the Academy of Justice, D.Philos.N. – Editor-in-Chief;

Asylbekova A.A. – Coordinator of research and international projects of the Center for Academic Programs and Projects of the Academy of Justice, PhD – Assistant Editor-in-Chief;

Shomenov A.M. – Head of the Information Technology Service of the Academy of Justice – designer.

Editorial Office address: Republic of Kazakhstan, Astana city, Beibitshilik 46.

Phone: 8-7172- 71-08-53

E-mail: vestnikak2023@gmail.com

© «Academy of Justice at the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan», 2023

МАЗМУНЫ-СОДЕРЖАНИЕ-CONTENT

ҚҰҚЫҚ ФИЛОСОФИЯСЫ / ФИЛОСОФИЯ ПРАВА / PHILOSOPHY OF LAW	
Т.К. Бурбаев. Правосознание и правовой менталитет: их взаимосвязь	9
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ / МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / INTERNATIONAL LAW	
С.А. Бурьянов, М.С. Бурьянов. Новые векторы эволюции прав человека в условиях противоречивой динамики глобальных процессов 4.0	18
КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ ҚҰҚЫҚ, ӘКІМШІЛІК ҚҰҚЫҚ ПЕН ПРОЦЕСС / КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС / CONSTITUTIONAL LAW, ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS	
Л.С. Жакаева. Категории «справедливость» и «разумность» в административном процедурно-процессуальном законодательстве Казахстана	26
К.К. Мусин, Е.О. Егембердиев. Польский опыт формирования судейского корпуса и обеспечения независимого статуса судьи	33
АЗАМАТТЫҚ ПРОЦЕСС / ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС / CIVIL PROCEDURE	
З.Х. Баймолдина. О полномочиях прокурора в гражданском процессе Казахстана	45
Р.Р. Султанов. Нравственные основы деятельности судов при рассмотрении гражданских споров	59
ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ, ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ҚҰҚЫҒЫ / УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО / CRIMINAL LAW, PENAL ENFORCEMENT LAW	
Е.В. Новикова. Особенности соучастия в незаконном обороте наркотиков по уголовному закону Республики Беларусь	66
В.В. Марчук. Об обеспечении исполнения назначенного в приговоре наказания, не связанного с изоляцией от общества	78
ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС / УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС / CRIMINAL PROCEDURE	
Н.А. Ақпанов, Л.Е. Нұрлұмбаева. Қылмыстық процестегі бұйрықтық іс жүргізу институтын салыстырмалы-құқықтық талдау	86
МЕРЕЙТОЙ ИЕСІН ҚҰТТЫҚТАУ / ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЮБИЛЯРА / CONGRATULATIONS OF THE HERO OF THE DAY	
Нурышева Толкын Серикгалиевна	92

ҚҰҚЫҚ ФИЛОСОФИЯСЫ / ФИЛОСОФИЯ ПРАВА / PHILOSOPHY OF LAW

УДК 340.12

БУРБАЕВ Төлеуғали Қайыржанұлы

Философия ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясының Мемлекеттік-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының профессоры

ҚҰҚЫҚТЫҚ САНА ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ МЕНТАЛИТЕТ: ОЛАРДЫҢ ӨЗАРАБАЙЛАНЫСЫ

Аннотация. Бұл мақалада құқықтық сана мен құқықтық менталитет арасындағы өзарабайланыс мәселелері жан-жақты талқыланады. Қазіргі ғылыми әдебиеттерде құқықтық менталитетті екі деңгейде, яғни кең және тар деңгейлерде зерттеу дәстүрі қалыптасқан. Автордың пікірінше, құқықтық менталитет көп мағыналы, көп аспектілі, көп қырлы феномен. Ол құқықтық санаға қарағанда мағынасы, ауқымы жағынан кең және терең. Ол құқықтық сананың негізін құрайды және оның қайнар көзі болып табылады. Құқықтық менталитет құқықтық сананың мазмұнына, қызметіне, бағытына әсер етеді. Құқықтық менталитет интегралдық ұғым ретінде қарастырылып, оның құқық әлемін дұрыс түсіну мен қабылдауға әсер ететіні дәлелденеді. Құқықтық реформаның тиімділігі мен дамуы, бағыты мен нәтижесі құқықтық менталитет пен құқықтық сананың өзарабайланысы негізінде қарастырылады.

Түйін сөздер: құқықтық менталитет, құқықтық сана, құқықтық құндылықтар, құқықтық мәдениет, құқық, заң, әділеттілік.

БУРБАЕВ Тулеуғали Қайыржанович

Доктор философских наук, профессор Научно-образовательного центра государственно-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ: ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Аннотация. В данной статье подробно обсуждаются вопросы взаимосвязи между правосознанием и правовым менталитетом. В современной научной литературе сложилась традиция изучения правового менталитета на двух уровнях – широком и узком. По мнению автора, правовой менталитет – это многозначный и многогранный феномен. Он шире и глубже правового сознания. Он составляет основу правосознания и является его источником. Правовой менталитет влияет на содержание, деятельность, направленность правосознания. Правовой менталитет рассматривается как интегральное понятие и доказывается, что он влияет на правильное понимание и

восприятие мира права. Эффективность и развитие, направление и результат правовой реформы рассматриваются на основе взаимосвязи правового менталитета и правосознания.

Ключевые слова: *правовой менталитет, правосознание, правовые ценности, правовая культура, право, справедливость.*

BURBAYEV Tulegali Kayyrzhanovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Scientific and Educational Center of State and Legal Disciplines of the Academy of Justice at the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan

LEGAL AWARENESS AND LEGAL MENTALITY: THEIR INTERRELATION

Abstract. *This article discusses in detail the relationship between legal awareness and legal mentality. In modern scientific literature, there is a tradition of studying the legal mentality at two levels-broad and narrow. According to the author, the legal mentality is a multi-valued, multi-faceted, multi-faceted phenomenon. It is broader and deeper than the legal consciousness. It forms the basis of legal consciousness and is its source. The legal mentality influences the content, activity, orientation of legal consciousness. The legal mentality is considered as an integral concept and it is proved that it affects the correct understanding and perception of the world of law. The effectiveness and development, direction and result of legal reform are considered on the basis of the relationship of legal mentality and legal awareness.*

Keywords: *legal mentality, legal awareness, legal values, legal culture, law, law, justice*

В современной научной литературе довольно интенсивно исследуются проблемы правового менталитета и правового сознания. Прежде чем анализировать их взаимосвязь нам хотелось бы осмыслить сущность, специфику по отдельности, и ответить на вопрос, что такое правовой менталитет, чем он отличается от правового сознания? На сегодня существуют два подхода к анализу сущности правового менталитета: широкий и узкий. К первому можно отнести определение Р.М. Овчиева, где он определяет «правовой менталитет как совокупность стереотипов правового мышления, юридической деятельности и правового поведения, основывающихся на сформированной в конкретном государственно-правовом пространстве системе

правовых ценностей, правовых традиций и приоритетов, которые определяются относительно устойчивыми объективно-субъективными факторами» [1]. Данный подход охватывает, вернее, включает в состав правового менталитета правосознание, правовое мышление, правовые ценности и правовое поведение человека. Аналогичную идею можно встретить, и в других определениях, где в состав правового менталитета включается мировоззрение той или иной социальной группы, нации, народа, умонастроение коллективного субъекта, которое могут оказать воздействие на правовое развитие общества. Или же, правовой менталитет определяется как совокупность архетипов, установок, взглядов, воззрений, поведенческих реакций, исто-

рически выработанных определенной национальной общностью, заложенных в глубинном уровне правосознания, которые и определяют в целом устоявшийся (привычный) образ правовой реальности [2].

Ко второй группе определения правового менталитета можно отнести те мысли, идеи, которые исходят из психологических основ правового менталитета. В них правовой менталитет рассматривается во взаимосвязи с подсознанием, с неосознанными психологическими установками и предрасположениями. Правовой менталитет рассматривается как мироощущение, мирозерцание, которое связано с психическими качествами человека.

Таким образом, знакомясь с современной литературой по проблемам правового менталитета, и на основе изучения конкретных приведенных определений, можно прийти к выводу, что правовой менталитет является полисемантическим, многоаспектным и многослойным феноменом, чем понятие правовое сознание. В правовом менталитете общества коренятся исходные этнические и культурно-исторические, духовно-нравственные, психологические, а также правовые основы национальной правовой культуры.

С точки зрения социальной философии правовое сознание имеет свою специфику, и оно связано с представлением, установкой, эмоцией, выражающими отношения людей к существующему праву, закону и нормативным актам. Правосознание формируется под влиянием правовой действительности, правовой культуры, правовых идей и взглядов, правил и норм, регулирующих поведение людей в обществе. С помощью правосознания происходит

не только отражение правовой действительности, но и дается оценка состояния права, можно определить уровень развитости законов, правильного применения их в правовой практике. Правовое сознание представляет собой совокупность взглядов, представлений о праве. По мнению В.А. Щегорцева: «Правовое сознание отражает поведение, действия и поступки участников общественных отношений, урегулированных нормами права, а также отдельные аспекты поведения и действия, требующие правовой регламентации или правовой оценки» [3]. Р.С. Байниязов определяет правосознание как духовную целостность правовых и отчасти общесоциальных идей, взглядов, представлений, убеждений, чувств, эмоций, настроений и т. д., идейно и психологически отражающую и осознающую правовые феномены [4]. А.А. Тамберг понимает под правосознанием совокупность идей, чувств, убеждений индивидов или частей общества относительно права и его роли. Отводится большая роль правосознания в осмыслении и восприятии правового регулирования, осознания верховенства закона; организации правомерной деятельности; соотношении правовых ценностей с иными, например рассмотрение справедливости в праве [5].

Другими словами, структура правового сознания представляет собой единство рационального, эмоционального и оценочного в правовой деятельности человека. Они взаимопредполагают, взаимодополняют друг друга, образуя единство в деятельности человека и социальной группы как основы их правовой деятельности. В современной научной литературе их

взаимосвязь представлена следующим образом: правовой менталитет равен правосознанию, правовой менталитет не входит в правовое сознание, правовой менталитет – часть правосознания, правовой менталитет шире правосознания. Все эти аспекты соотношения правосознания и правового менталитета довольно подробно систематизированы в работе В.А. Рыбакова [6]. Например, по мнению К.А. Сигачева: «Соотношение правосознания и правового менталитета отличается сложностью, которое подчас трудноопределимо и духовно неоднозначно. В самом общем виде данное соотношение, на наш взгляд, можно определить так: по объему, правосознание уже правового менталитета, который включает в себя и правосознание, и обычаи, и традиции народа, и законодательство государства. Правовой менталитет не может рассматриваться как составная часть правосознания» [7]. Однако, в высказываниях К.А. Сигачева присутствует мысль о том, что правовой менталитет не входит в правосознание, поскольку он по объему больше, чем правосознание. Целое несводимо к своим частям, большое не может быть частью малого. Но это по логике, а как быть, если рассматриваемое явление носит интегральный характер, где рациональные и эмоциональные, сознательные и бессознательные, волевые воображения и интуиция причудливым образом сочетаются в деятельности человека и социальной группы. В этой связи В.А. Рыбаков задает вопрос следующим образом: «может ли менталитет не входить в правосознание, если он представляет собой стереотипы мышления, способность воспринимать окружающий мир, присутствует в сознании в

качестве основы идеологических характеристик правосознания, является глубинным его слоем? Тем более, что правосознание и правовой менталитет автор рассматривает как диалектическую связь содержания и сущности, т. е. одного явления» [8]. Некоторые исследователи рассматривают правовой менталитет, как проявление коллективного бессознательного. Согласно мнению А.А. Гирька «правовой менталитет не может рассматриваться как составная часть правосознания. Он занимает свое, особое место в структурах общественного сознания. В правовой менталитет входят «потаенные», «неявные» стереотипы мышления и поведения людей, отличающие ту или иную социокультурную общность от других. Это наиболее глубинный слой сознания, ее потаенный уровень, который в значительной степени смыкается с бессознательным правовым уровнем, так называемой памятью народа о прошлом, с которой рождается человек» [9].

Вместе с тем, правовой менталитет составляет глубинную основу правового сознания и определяет специфику его содержания. Другими словами, правовой менталитет и правовое сознание образуют целостное единство в правовой деятельности человека и социальной группы для познания правовых отношений. Как замечает А.Ю. Мордовцев «правовой менталитет, как наиболее глубинный и весьма устойчивый уровень отражения имеющих место в конкретном социуме, этносе или типе цивилизации правовых феноменов, реалий юридической деятельности является основой формирования национального правового сознания, определяет неповторимый коло-

рит и специфику содержания последнего, характер его проявлений. Между этими явлениями, принадлежащими социоправовому миру определенного народа, обнаруживается органическое единство и взаимосвязь» [10].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: во-первых, правовой менталитет лежит в основе правосознания и влияет на его содержание; во-вторых, правовой менталитет является низшей ступенью восприятия правовой действительности; в-третьих, структурными элементами правового менталитета являются правовые стереотипы, ценностно-правовые ориентации и установки; в-четвертых, правовой менталитет представляет собой определенную направленность национального правового сознания, является психологической основой положительного национального права [11, с. 35–36]; в-пятых, в правовом менталитете общества коренятся исходные культурно-исторические основы национальной правовой культуры [12]; в-шестых, правосознание и правовой менталитет являются взаимосвязанным явлением, и они взаимодополняют друг друга. Взаимодополнение происходит на сущностном, качественном уровне, затрагивая как структуру сознания, так и менталитета. Поэтому правовой менталитет можно рассматривать как интегральное понятие, которое связано с духовно-психическим, интеллектуально-эмоциональным миром человека, затрагивающее такие сферы человеческой деятельности, как мысль, образ мысли, склад ума, мышление, умонастроение, мироощущение, мировосприятие, миропонимание. Они, по сути, являются стержнем, скелетом

человеческой деятельности и определяют ее направленность и нацеленность на внешний мир. По большому счету от этого зависит стабильность правовой системы, эффективность применяемых законов, функционирования и развития самой правовой системы. Правовой менталитет выступает «генетическим кодом» права и является своего рода парадигмой изменения правовой культуры в целом.

Также, в современной научной литературе основными функциями правового менталитета принято называть следующие функции: познавательные, оценочные, регулятивные, защитные и коммуникативные и т. д. Каждая из них в структуре правового менталитета выполняет определенную функцию. Например, оценочная функция направлена, прежде всего, на оценку существующих норм права. В нем всегда присутствует оценочное суждение, позиция, мнение и отношение субъекта к праву, закону и правовой действительности, т. е. происходит сравнение прошлого с настоящим, выявляются и определяются системы мер по устранению существующих недостатков. Оценочная функция также складывается из согласия, порицания, отрицания, утверждения, поддержки и сомнения. Такое психологическое измерение в структуре правового менталитета имеет особое значение, поскольку от этого зависит принятие или непринятие изменений, которые происходят в сфере правовой действительности. В зависимости от характера развития данной функции правового менталитета принято выделять следующие ее уровни: гносеологические, ценностные, прагматические и логические.

Или же, регулятивная функция правового менталитета. Данная функция, по мнению некоторых, может быть реализована посредством осознания недостатков, присущих конкретному правовому менталитету того или иного общества, и их преодоления, так и на законодательном уровне посредством введения специфических правовых норм, направленных на преодоление возможных правонарушений, злоупотреблений, вытекающих из особенностей правового менталитета [13].

Иначе говоря, регулятивная функция правового менталитета в определенной степени будет зависеть от того, как будет решен вопрос о соотношении морали и права, закона и совести. Поскольку коллизии между правом и моралью, законом и совестью вносят свои коррективы в траекторию развития правового менталитета.

В правовом менталитете особое место занимает функция сохранения (защитная). Она выражается в сохранении прошлого, удержание его в новом, как основа последующего развития. Надо сказать, что старые признаки не переходят непосредственно в новое, они видоизменяются, перерабатываются, переосмысливаются с учетом потребности новой реальности, и входят в структуру бытия правовой действительности.

Обеспечение преемственности правовых ценностей и норм является ее лейтмотивом в правовом менталитете. К нему можно отнести язык права, стиль мышления, образ восприятия правовой действительности, формы их осмысления и понимания. Как замечает А.Ю. Мордовцев: «... стиль юридического мышления чаще всего сохраняет свою специфику и транс-

лируется практически в «нетронутом» виде из поколения в поколение его носителей до тех пор, пока не разрушен адекватный ему цивилизационный механизм, продуцирующий и постоянно воспроизводящий способы и формы осмысления и понимания всего происходящего в правовом (национальном) поле. [14, с. 39–41].

Таким образом, анализ функции правового менталитета позволяет нам сказать, что правовой менталитет и его развитие связано с социально-историческими условиями соответствующего общества, и представляет собой основу правовой культуры, правового сознания и правового мышления личности социальной группы, общества в целом.

В структуре правового менталитета особое место занимает правовые стереотипы. Они влияют на поведение людей, формируют устойчивые мнения о правовых явлениях, влияют на отношение людей к нормам права, существующим законам и правопорядкам. Надо сказать, что стереотипы могут быть подвергнуты изменению или разрушению. К примеру, с точки зрения современного правового менталитета нельзя считать собственное признание правонарушителем своей вины «царицей доказательств». Хотя, такой стереотип, выработанный репрессивной юстицией, к сожалению, продолжает существовать до сих пор. Он еще жив и можно встретить их на практике. Вытеснить их из правового менталитета оказывается не так просто. Наряду с вытеснением старых, отживших стереотипов начинают утверждаться позитивные стереотипы. Они успешно усваиваются, укореняются в правовом менталитете. К примеру, к

позитивным стереотипам можно отнести «презумпцию невиновности», «состязательность, открытость и прозрачность судебного разбирательства» и т. д. Они как принципы правосудия начинают влиять на правовой менталитет в позитивном ключе.

Наряду с этим, в правовом менталитете можно встретить негативные стереотипы. К ним можно отнести такие распространённые стереотипы, как например, «о невозможности полноценной защиты прав и свобод граждан органами внутренних дел», «об отсутствии независимости судьи», «об отсутствии честных судей», «их продажности», «коррупционности», «грубости сотрудников правоохранительной системы» и т. д.

Указанные стереотипы могут стать источником разногласия и препятствовать правильному формированию правового менталитета общества в целом. Также, следует помнить, что отрицательные стереотипы препятствуют налаживанию нормальных отношений между обществом и органами правосудия. Отсутствие нормальной коммуникации может формировать однобокое представление о судебной власти, формируя негативный имидж, в глазах общественности.

Таким образом, в правовом менталитете правовые стереотипы базируются не на фактах, а на мнении, сведениях, истинность которых не доказана; во-вторых, правовые стереотипы подразделяются на позитивный и негативный, и носят устойчивый характер. Их устойчивость обусловлена наличием потребности со стороны правовой культуры и поведения людей. В-третьих, правовые стереотипы тесно связаны с правовыми ус-

тановками. Эти установки фиксированы в законодательстве, представляют собой определенные ценности и являются элементами правовой культуры. В-четвертых, правовые стереотипы влияют на формирование имиджа. Если правовые стереотипы являются позитивными, то формирование имиджа происходит в позитивном ключе, а если нет, то все наоборот, т. е. в негативном формате. В-пятых, правовые стереотипы, как средство отражения правовой реальности в правовом менталитете должны быть изучены более основательно, всесторонне, чем сейчас, особенно со стороны философии права, психологии права, теории государства права.

В структуре правового менталитета принято уделять особое внимание изучению ценностно-правовых установок. Правовые ценности в жизни человека и общества имеют огромное значение, и они закреплены в нормативных актах и входят в предмет правового регулирования. К ним, прежде всего, относятся такие ценности, как свобода, справедливость, равенство, законность и т. д. Формирование этих ценностей в правовом менталитете имеют свои особенности. Эти особенности, прежде всего, обусловлены уровнем исторического развития того или иного общества, состоянием права и морали, правовой культуры. Например, в правовом менталитете казахстанцев справедливость, свобода, нравственность укоренены не сегодня, и не вдруг, а они в истории народа уходят вглубь веков, и дают о себе знать каждый раз, когда речь заходит о праве и законе. Они, как живительные источники права пульсируют в правовом менталитете казахов, определяя пове-

денческие векторы их развития. Как замечал, академик С. Зиманов в своих 10-томных исследованиях «Древний мир права казахов»: «В рамках общего казахского кочевого общества и его миро-правопонимания формировались несколько особо, на другом секторе – в другой орбите кочевого общества, где были развиты институты степной демократии с акцентом на моральные их ценности, была сильна роль правосудия и риторики, как средство обоснования состязательности суждений, а также были ценны чувства и приверженность кочевников к свободе самоуправления и самоутверждения. В казахской обычно-правовой системе отработан целый пласт принципов и норм, определяющих суть и статус судьи-бия, которые прочно вошли в правовое сознание народа, и составляли во многом содержание его традиционного менталитета. Они сформулированы в кратких и выразительных изречениях-формулах: «Атаның баласы болма, адамның баласы бол» – «Не будь сыном только своего отца, а будь сыном человека»; «Туғанна бұрғаны – биді құдай ұрғаны» – «Нет больше божеской кары для бия-судьи, чем его пристрастие в пользу родственника»; «Таста тамыр жоқ, биде бауыр жоқ» – «Камень не имеет корня, также и бий не имеет родственника». Истина и справедливость, стремление к их постижению были фундаментальными основами судопроизводства и выносимых судебных решений биев, основанных на нормах Казахского права: «Атаңның құлы айтса да, әділдікке басыңды и» – «Поклонись справедливости, если она высказана даже и рабом твоего отца»; «Тіл жүйрік емес, билікте шын жүйрік» – «В красноречии важна выра-

зительность, но ценнее – истина». Поведенческая установка для бия-судьи, утвердившаяся в казахском праве, как правило, выраженная в кратких выразительных изречениях-формулах, имела и моральную и императивную силу. Ее основная норма гласила: «Тура биде туған жоқ, туғанды биде иман жоқ» – «У беспристрастного бия не бывает на суде «своих» и «не своих», а если он обзавелся ими, то он теряет святость своего сана»; в дополнение к ней: «Туғанна бұрғаны – биді Құдай ұрғаны» – «Судья, принявший сторону своего ближнего – это измена перед Всевышним» [15].

Такой историко-культурный анализ ценностно-правовых установок в правовом менталитете казахов позволяет сказать о необходимости и важности разворачивания запакованных мыслей в обычном праве казахов и взглянуть в сущность права шире, чтобы преодолеть сложившийся нормативизм в понимании и интерпретации права. И сделать вывод, что нравственность и право в правовом менталитете теснейшим образом переплетены друг с другом, их ментальные корни кроются в миропонимании казахов. Следовательно, отношение их к законам, правовым нормам, предрасположенность их к восприятиям содержания нормы права должны исследоваться с учетом этой ментальной особенности. Более того, в правоприменительной практике, наряду с использованием нормы законов возникает необходимость шире использовать и больше опираться на нравственные ценности общества. Поскольку, в правовом государстве законодательные нормы максимально сливаются с социально-культурными и нравственными установками. Регу-

лирование правовых конфликтов только на основе законодательных норм не дает того ожидаемого результата, поскольку регулирование внешними требованиями не затрагивают фундаментальную основу правового менталитета. Поэтому гармоничное соче-

тание внешнего и внутреннего закона становится велением времени. Иначе говоря, соединение закона и совести в правовом менталитете способствует утверждению справедливости в обществе в целом.

Список использованных источников

1. Овчиев Р.М. Правовая культура и российский правовой менталитет. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 10.
2. Бойко Л.Н. Эффективность права под углом национального правового менталитета // Журнал российского права № 5 – 2009 С.135.
3. Щегорцев В.А. Социология правосознания / В.А. Щегорцев. М.: Мысль, 1981. С. 28.
4. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Саратов, 2008. С. 78–79.
5. См.: Тамберг А.А. Правосознание в трансформируемой России: сущность, эволюция, преемственность: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 14.
6. Рыбаков В.А. Правосознание и правовой менталитет // Вестник Омского университета Серия «Право». 2017. №3 (52) С. 6–11.
7. Сигачев К.А. Определение правового менталитета // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2008. – № 1. – С. 22.
8. Рыбаков В.А. Правовой менталитет и преемственность в праве // Правоприменение 2017. Т. 1, № 2. С. 12–18.
9. Гирько А.А. Влияние российского менталитета на правовое сознание граждан в современных условиях: автореф. дис. ... канд. филос.наук. – Ставрополь, 2006. – URL: <http://search.rsl.ru> (дата обращения: 15.02.2017). С.14.
10. Мордовцев А.Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов на /Д., 204. – С. 25.
11. Байниязов Р.С. Правосознание и российский менталитет / Р.С. Байниязов // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 31–40/
12. Рыбаков В.А. Правовой менталитет и преемственность в праве// Правоприменение. 2017. Т. 1, № 2. С. 12–18.
13. Рыбаков В.А. Правовой менталитет и преемственность в праве // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 2. С. 15.
14. Мордовцев А.Ю. Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: Культур антологические проблемы / А.Ю. Мордовцев // Правоведение. – 2003. – № 2 (247). – С. 38–48.
15. Зиманов С. Мир права казахов «Жаргы» – уникальная система права. //«Жаргы - журнал «ЮРИСТ – Zakon.kz» <https://journal.zakon.kz> > Ноябрь, № 11, 200.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ / МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / INTERNATIONAL LAW

УДК 341.1/8

БУРЬЯНОВ Сергей Анатольевич

Заң ғылымдарының кандидаты, доцент. Экономика, менеджмент және құқық институтының құқық кафедрасының доценті, Мәскеу қалалық педагогикалық университеті

БУРЬЯНОВ Максим Сергеевич

Заңгер, ТМД елдері жастар тобының сарапшысы ХЭО БҰҰ (МЭО БҰҰ), Ресей Федерациясындағы Адам құқықтары жөніндегі уәкіл жанындағы Жастар кеңесінің сарапшысы

ЖАҒАНДЫҚ ПРОЦЕСТЕРДІҢ ҚАЙШЫЛЫҚТЫ ДИНАМИКАСЫ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫ ЭВОЛЮЦИЯСЫНЫҢ ЖАҢА ВЕКТОРЛАРЫ 4.0

Аннотация. Мақала жаһандық цифрлық үдерістер дәуіріндегі адам құқықтары эволюциясының жаңа векторларын және Төртінші ғылыми-техникалық революция сын-қатерлерін зерттеуге арналған. Зерттеудің ғылыми-тәжірибелік маңыздылығы адамзат өркениетінің жаһандық сын-қатерлерін, оның ішінде цифрландырудың келеңсіз салдарын еңсеру жолдарын іздеу қажеттілігімен түсіндіріледі. Заманауи жаһандық сын-қатерлерді еңсеру және тұрақты дамуға қол жеткізу үшін цифрлық адам құқықтары 4.0 жүйесін заңды түрде шоғырландыру және енгізу қажет деген қорытынды жасалды.

Түйін сөздер: Жаһандану, жаһандық цифрландыру 4.0, жаһандық сын-қатерлер, тұрақты даму, адам құқықтары, цифрлық адам құқықтары.

БУРЬЯНОВ Сергей Анатольевич

Кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента права Института экономики, управления и права, Московский городской педагогический университет

БУРЬЯНОВ Максим Сергеевич

Юрист, эксперт молодежной группы стран СНГ МСЭ ООН (ITU UN), эксперт Молодежного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации

НОВЫЕ ВЕКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОРЕЧИВОЙ ДИНАМИКИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ 4.0

Аннотация. Статья посвящена исследованию новых векторов эволюции прав человека в эпоху глобальных цифровых процессов и вызовов Четвертой научно-технологической революции. Научная и практическая значимость исследования обусловлена необходимостью поиска путей преодоления глобальных вызовов человеческой цивилизации, включая негатив-

ные последствия цифровизации. Сделан вывод, что для преодоления современных глобальных вызовов и достижения устойчивого развития необходимо правовое закрепление и реализация цифровых прав человека 4.0. Статья посвящена исследованию новых векторов эволюции прав человека в эпоху глобальных цифровых процессов и вызовов Четвертой научно-технологической революции. Научная и практическая значимость исследования обусловлена необходимостью поиска путей преодоления глобальных вызовов человеческой цивилизации, включая негативные последствия цифровизации. Сделан вывод, что для преодоления современных глобальных вызовов и достижения устойчивого развития необходимо правовое закрепление и реализация цифровых прав человека 4.0.

Ключевые слова: глобализация, глобальная цифровизация 4.0, глобальные вызовы, устойчивое развитие, права человека, цифровые права человека.

BURYANOV Sergey Anatolievich

PhD in Law, Associate Professor Associate Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law Moscow City Pedagogical University

BURYANOV Maxim Sergeevich

Lawyer, expert of the youth group of the CIS countries ITU UN (ITU UN), Expert of the Youth Council under the Commissioner for Human Rights in Russian Federation, st. Novokuznetskaya

NEW VECTORS OF THE EVOLUTION OF HUMAN RIGHTS IN CONDITIONS OF CONTRADICTIONAL DYNAMICS OF GLOBAL PROCESSES 4.0

Abstract. *The article is devoted to the study of new vectors of the evolution of human rights in the era of global digital processes and challenges of the Fourth scientific and technological revolution. The scientific and practical significance of the study is due to the need to find ways to overcome the global challenges of human civilization, including the negative consequences of digitalization. It is concluded that in order to overcome modern global challenges and achieve sustainable development, it is necessary to legally consolidate and implement digital human rights 4.0.*

Keywords: *globalization, global digitalization 4.0, global challenges, sustainable development, human rights, digital human rights.*

На современном этапе развития человеческой цивилизации главной тенденцией является цифровая глобализация 4.0, где ключевую роль играют инновационные цифровые технологии Четвертой промышленной революции. Эти технологии включают в себя не только персональные компьютеры и Интернет, но также: большие объемы данных, искусственный интеллект, устройства интернета вещей, квантовые вычисления, системы киберфизических

устройств, нанотехнологии, нейротехнологии, биотехнологии, виртуальную реальность, многомерные виртуальные миры и другие.

Однако их неориентированное на приоритет прав человека внедрение несет не только новые возможности, но также предопределяет существенные угрозы. В этих противоречивых реалиях цифровой глобализации 4.0 представляется актуальным исследование перспектив развития прав человека, ко-

торые являются важным индикатором развития общества и государства, функционирования цифровой экономики, а также критерием социальной справедливости.

В научных работах глобализация определяется как совокупность процессов интеграции на мировом уровне, которые направлены на создание единой взаимозависимой открытой системы, объединяющей общественные, технологические и природные аспекты. Глобальные вызовы относятся к негативным последствиям, возникающим из-за неустойчивого и неравномерного развития этих процессов.

В последние десятилетия эволюция глобальных процессов в значительной мере происходит под влиянием цифровых технологий, являющихся драйверами перехода к цифровой экономике. Здесь в очередной раз следует напомнить слова о фундаментальности, беспрецедентности и неоднозначности глобальных цифровых трансформаций современности [1, с. 9].

Можно выделить следующие основные этапы развития информационных технологий: домеханический (3000 г. до н. э.–1450 г. н. э.); механический (1450–1840 гг.); электромеханический (1840–1940 гг.) и электронный (1940 г. – наст. время). Соответственно, современный электронный этап развития информационных технологий можно условно разделить на подэтапы: универсальных электронных вычислительных машин (ЭВМ) (с 1940-х гг.); персональных компьютеров (с 1980-х гг.); глобальной компьютерной сети Интернет (с 1990-х гг.); глобальные цифровые технологии 4.0 (большие данные, искусственный интеллект, роботы, интернет вещей, блокчейн, метавселенные, цифровые плат-

формы (устройства, программы, сервисы) и др.) (с 2010-х гг.).

Глобальные цифровые процессы 4.0 представляют собой новую ступень развития общества, которая включает в себя процессы, направленные на создание единой мировой общественно-технологической системы, основанной на инновационных цифровых технологиях. Соответственно, упомянутые выше процессы и технологии выступают ядром цифровой экономики. Здесь следует согласиться с мнением исследователей, полагающих, что «цифровая трансформация мировой экономики представляет собой очередной этап глобализации» [2].

Однако, цифровая глобализация несет не только потенциальные преимущества для улучшения качества жизни людей, но также вызывает глобальные цифровые вызовы четвертой промышленной революции. Эти вызовы имеют глобальный масштаб и относятся к общественно-технологическим (и космическим) взаимодействиям, связанным с внедрением инновационных цифровых технологий, не всегда ориентированных на человека. Их преодоление требует совместных усилий человечества с целью сохранения и устойчивого развития человеческой цивилизации [3, с. 35–40]. Такие вызовы включают в себя цифровую милитаризацию, цифровое неравенство, цифровое слежение, угрозы кибербезопасности, риски сверхсильного искусственного интеллекта [4] и другие.

Упомянутые выше противоречия в развитии глобальных цифровых процессов 4.0 требуют эффективного поиска путей правового урегулирования вызовов и преодоления цивилизационного кризиса [5, с. 75–87]. Некоторые шаги

в этом направлении были предприняты в рамках Организации Объединённых Наций (ООН) [6, с. 14–20]. Так, в частности, в Уставе ООН (1945) закреплён принцип уважения прав человека. В статье 2 Всеобщей декларации прав человека (1948) говорится, что «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения». Данные положения были подтверждены в Пактах (1966) и других актах. Глобальные проблемы и необходимость достижения устойчивого развития последние десятилетия находятся в фокусе внимания ООН. В частности, они отражены в ее документах: начиная с Декларации социального прогресса и развития (1969) до Декларации тысячелетия Организации Объединённых Наций (2000) и Итоговой повестки глобального развития на период после 2015 г. (2015). О новом цифровом измерении глобальных процессов говорит, принятая главами государств и правительств «Группы восьми» Хартия глобального информационного общества (2000) и ряд иных рекомендательных актов. Также данная проблематика отражена в программном докладе Генерального секретаря ООН А. Гуттериша «Наша общая повестка дня» [7]. Во Всемирном социальном докладе от ДЭСВ ООН предложены новые стратегии ускорения роста с акцентом на использовании новых цифровых технологий [8].

Регулирование цифровой глобализации 4.0 в значительной мере отстает от

потребностей общественного развития, предопределяя глобальные вызовы, и представлено в основном устаревшими и рекомендательными нормами в области устойчивого развития, информационного права и прав человека, а также этическими нормами. Разрабатываемый в настоящее время при участии всех заинтересованных сторон (от правительств и технологических компаний до научных кругов и частных лиц) Глобальный цифровой договор должен быть принят в сентябре 2024 г. в рамках Саммита будущего высокого уровня ООН на тему «Многосторонние решения для лучшего завтра», инициированного для разработки новой повестки по вопросам мира и глобальной безопасности. Глобальный цифровой договор заявлен как направленный на формирование «открытого, свободного и безопасного цифрового будущего для всех», включая урегулирование вопросов цифровой связи, прав человека в Интернете, использования данных и повышения безопасности Интернета через противодействие дискриминации и введению в заблуждение. Не оспаривая важность упомянутых вопросов, отметим, что фактически речь идет в основном о технологиях предыдущего поколения 3.0, урегулирование которых приблизит решение, но не решит глобальных вызовов 4.0.

Полагаем, что перспективы урегулирования новых глобальных вызовов глобальной безопасности, связанных с внедрением цифровых технологий 4.0, следует формировать на основе концепции глобальных цифровых прав человека [9, с. 38–46]. Цифровая трансформация глобального общества требует существенного развития права [10, с. 129–142], основанного на правах чело-

века [11, с. 129–142] и правовой культуре в целом [12]. Требованием эпохи является существенное развитие международного права, основанное на правах человека.

В контексте нашего исследования согласимся с позицией, что «именно права человека могут стать унифицирующей целевой перспективой при определении отношения к различным новым технологиям» [13, с. 122–146]. Чтобы изучить влияние глобальных цифровых процессов 4.0 на права человека и определить перспективы международного закрепления этих прав, было создано сетевое сообщество на базе Global Law Forum. Летом 2020 года М.С. Бурьянов разработал проект Декларации глобальных цифровых прав человека, а в 2022 году была опубликована монография о цифровых правах человека в контексте глобальных процессов [14]. Статья в поддержку Декларации глобальных цифровых прав человека была опубликована в повестке дня World Economic Forum [15].

В последние месяцы проблематика прав человека в контексте цифровой глобализации 4.0, преодоления цифрового разрыва и формирования открытого, свободного и безопасного цифрового будущего постоянно находятся в фокусе внимания Организации Объединенных Наций (ООН) и ее специализированных учреждений. В своем выступлении на открытии сессии Комиссии социального развития президент Экономического и Социального Совета ООН Лучезара Стоева заявила, что для реализации Целей устойчивого развития ООН (ЦУР ООН) необходимо поставить права человека на первое место. По ее словам, инвестиции в человеческий потенциал также необходимы для удовлетворения

возникающих и будущих потребностей рынка труда, на которые уже повлияли такие факторы, как цифровая трансформация, демографические тенденции и изменение климата. «Эти структурные преобразования требуют дополнительных усилий в области образования, обучения и обучения на протяжении всей жизни», – заявила она. Такие усилия должны прививать ценности инклюзивности, устойчивости и партнерства, закрепленные в Повестке дня на период до 2030 года [16].

Осенью 2022 г. в видеообращении к Ежегодному форуму ООН по управлению Интернетом (Аддис-Абеба, Эфиопия) Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш сказал: «Мы часто слышим, что будущее будет цифровым. Но будущее цифровых технологий должно быть ориентировано на человека». В своем послании от 10 декабря 2022 г. по случаю Дня прав человека Генеральный секретарь ООН в очередной раз подтвердил приверженность правам человека в условиях глобальной цифровой трансформации. «Права человека являются основой человеческого достоинства и краеугольным камнем мирного, инклюзивного, справедливого, равноправного и процветающего общества», – говорится в заявлении. «Они являются объединяющей силой и объединяющим лозунгом. Они отражают самое фундаментальное, что нас объединяет, – нашу общую человечность». «И мы только начинаем осознавать угрозу, которую представляют для прав человека некоторые новые технологии», – добавил он [17].

В долгосрочной перспективе реализация глобальных цифровых прав человека будет способствовать формированию эффективного глобального управления

в целях устойчивого развития. В частности, согласно новому докладу ООН «Эффективное и инклюзивное глобальное управление сегодня и в будущем», опубликованному в 2023 г., в глобальном управлении необходимы серьезные изменения, чтобы лучше справляться с такими текущими и надвигающимися вызовами, как климатический кризис и растущие угрозы безопасности. Рекомендации включают укрепление глобальной архитектуры мира, безопасности и финансов, обеспечение справедливого перехода к климату и цифровизации, а также обеспечение большей справедливости при принятии глобальных решений. В отчете также утверждается, что гендерное равенство должно лежать в основе обновленной многосторонней системы, наряду с рекомендациями по обеспечению того, чтобы система стала более сетевой, более инклюзивной и более эффективной. В основе доклада лежат шесть трансформационных сдвигов: восстановление доверия к многосторонности за счет интеграции и подотчетности; восстановление баланса с природой и обеспечение всех чистой энергией; обеспечение обильного и устойчивого финансирования, которое действительно приносит плоды; поддержка справедливого цифрового перехода, раскрывающего ценность данных и защищающего от цифрового вреда; расширение возможностей эффективных и справедливых механизмов коллективной безопасности; управление текущими и возникающими транснациональными рисками [18].

Выводы

В настоящее время ключевыми направлениями развития человеческой цивилизации являются сложность и глобализация социальных, природных, техно-

логических и космических взаимодействий, которые требуют обеспечения свободы каждого человека на планете через права человека. Реализация этих прав гарантирует справедливый доступ к ресурсам, необходимым для сохранения и развития человеческого потенциала, который является основным ресурсом для общественного развития. Неправильное использование цифровых технологий может привести к обострению глобальных проблем, угрожающих цивилизации. Одним из ключевых аспектов является создание общепланетарной системы образования и просвещения в области прав человека, включая цифровые права, которые обеспечивают доступ к технологиям в интересах устойчивого развития глобального общества. Это новое поколение прав человека, которое требует закрепления и реализации, отражающее их эволюцию в условиях цифровой глобализации.

Успех современной цифровой экономики в значительной мере будет зависеть от того, как будет развиваться человеческий капитал через реализацию цифровых прав человека. Для этого на международном уровне в ООН было бы полезно принять Декларацию и Конвенцию о глобальных цифровых правах человека. Чтобы достичь эффективной реализации этого важного потенциала для развития каждого человека и цивилизации, необходимо перейти от концепции защиты прав человека к концепции их реализации. Именно реализация прав человека должна быть приоритетом на планетарном уровне, чтобы стать основой правопонимания, эволюции государственности, формирования справедливого миропорядка и устойчивого человекоориентированного развития мирового сообщества.

Список использованных источников

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция = Die Vierte Industrielle Revolution. Эксмо, 2016. 208 с.
2. Нагорный Д.А. Цифровая трансформация мировой экономики: тенденции и перспективы: дис...канд. экон. наук. М. 2021. 212 с.
3. Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. Новые угрозы глобальной безопасности и перспективы развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11 (150). С. 35–40.
4. Sherif Elsayed-Ali New human rights principles on artificial intelligence. Электронный ресурс. URL: <https://www.openglobalrights.org/new-human-rights-principles-on-artificial-intelligence/> (дата обращения: 27.04.2023).
5. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87.
6. Епифанов А.Е. К вопросу о влиянии международного права на формирование механизмов защиты прав и свобод человека (вопросы теории и истории) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 2. С. 14–20.
7. United Nations Secretary-Generals Report «Our common agenda». Электронный ресурс. URL: https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/assets/pdf/Common_Agenda_Report_English.pdf (дата обращения: 27.04.2023).
8. UNDESA World Social Report 2021. Электронный ресурс. URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/world-social-report/2021-2.html> (дата обращения: 27.04.2023).
9. Комарова В.В. Правовой статус человека в цифровой среде: взгляд конституционалиста // Образование и право. 2022. № 2. С. 38–46.
10. Бурьянов С.А., Кривенький А.И. О состоянии и перспективах формирования глобального образования, включая юридическое // Государство и право. 2019. № 8. С. 95–100.
11. Бурьянов С.А. О необходимости глобального права в контексте проблемы целенаправленного формирования глобальной системы управления в целях устойчивого развития // Век глобализации. 2019. № 4. С. 129-142.
12. Павленко Е.М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России: дис. ...канд. юрид. наук. М. 2006. 202 с.
13. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 3. С. 122–146.
14. Бурьянов М.С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации: монография / М.С. Бурьянов; под науч. ред. С.А. Бурьянова. Москва: РУСАЙНС, 2022. С.148.
15. Burianov M. Here's why we need a Declaration of Global Digital Human Rights // World Economic Forum. Электронный ресурс. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/08/here-s-why-we-need-a-declaration-of-global-digital-human-rights/>(дата обращения: 27.04.2023).
16. "Put people first" in achieving the Sustainable Development Goals. URL: <https://www.ungeneva.org/en/news-media/news/2023/02/77613/put-people-first-drive-realize-sustainable-development-goals> (дата обращения: 21.04.2023).

17. Guterres: Put human rights at the heart of efforts to reverse today’s damaging trends. Электронный ресурс. URL: <https://www.ungeneva.org/en/news-media/news/2022/12/guterres-put-human-rights-heart-efforts-reverse-todays-damaging-trends>

18. UN advisory board charts fresh path to better global governance. URL: <https://www.ungeneva.org/en/news-media/news/2023/04/80169/un-advisory-board-charts-fresh-path-better-global-governance> (дата обращения: 21.04.2023).

КОНСТИТУЦИЈАЛЫҚ КҰҚЫҚ, ӘКІМШІЛІК КҰҚЫҚ ПЕН ПРОЦЕСС / КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС / CONSTITUTIONAL LAW, ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

УДК 342.9 (574)

ЖАКАЕВА Лейла Султановна

Заң ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясының Мемлекеттік-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының профессоры

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ӘКІМШІЛІК РӘСІМДІК-ПРОЦЕСТІК ЗАҢНАМАСЫНДАҒЫ «ӘДІЛДІК» ЖӘНЕ «ПАРАСАТТЫЛЫҚ» КАТЕГОРИЯЛАРЫ

Аннотация. Бұл мақалада Қазақстан Республикасының әкімшілік-іс жүргізу заңнамасында қолданылатын «әділдік» және «парасаттылық» ұғымдары қарастырылады.

Әкімшілік рәсімнің және әкімшілік сот ісін жүргізудің әділеттілік қағидаты мен критерийі тиісті мемлекеттік органдардың объективті және бейтарап қызметін қамтамасыз ету, сондай-ақ іске қатысушылардың әкімшілік істің мән-жайларын жан-жақты және аяқталған тергеп-тексеруге құқықтарын іске асыру үшін тең мүмкіндіктер мен жағдайлар тұрғысынан талданады.

Әкімшілік рәсім мен әкімшілік сот ісін жүргізудің негізділігі қағидаты (критерийі) этимология, талқылаудың ақылға қонымды мерзімінің доктринасы, сондай-ақ заңнамадағы осы мәселені реттеудің ерекшелігі тұрғысынан қаралады.

Түйін сөздер: әділеттілік принципі; әділеттілік критерийлері, парасаттылық, парасаттылық критерийлері; әділ сот төрелігі, объективті және бейтарап сот төрелігі; ақылға қонымды мерзім; ақылға қонымды уақыт доктринасы; сот ісін жүргізу ұзақтығының парасаттылығы; сот ісін жүргізудің ақылға қонымды мерзімдері.

ЖАКАЕВА Лейла Султановна

Доктор юридических наук, профессор Научно-образовательного центра государственно-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан

КАТЕГОРИИ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» И «РАЗУМНОСТЬ» В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕДУРНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАЗАХСТАНА

Аннотация. В данной статье рассматриваются понятия «справедливость» и «разумность», используемые в административном процедурно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан.

Анализируется принцип и критерий справедливости административной процедуры и административного судопроизводства с точки зрения обеспечения объективной и беспристрастной деятельности соответствующих государственных органов, а также равных возможностей и условий реализации прав участников дела на всестороннее и полное исследование обстоятельств административного дела.

Принцип (критерий) разумности административной процедуры и административного судопроизводства рассмотрен с позиции этимологии, доктрины разумного срока производства, а также особенностей регламентации данного вопроса в законодательстве.

Ключевые слова: *принцип справедливости; критерии справедливости, разумность, критерии разумности; справедливое правосудие, объективное и беспристрастное правосудие; разумный срок; доктрина разумного срока; разумность продолжительности производства; разумные сроки судопроизводства*

ZHAKAEVA Leyla Sultanovna

Doctor of Law, Professor of the Scientific and Educational Center for State and Legal Disciplines of the Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan

CATEGORIES «JUSTICE» AND «INTEGRITY» IN THE PROCEDURAL LEGISLATION OF KAZAKHSTAN

Abstract. *This article discusses the concepts of «justice» and «reasonableness» used in the administrative procedural legislation of the Republic of Kazakhstan.*

The principle and criterion of the fairness of the administrative procedure and administrative proceedings are analyzed from the point of view of ensuring objective and impartial activities of the relevant state bodies, as well as equal opportunities and conditions for the realization of the rights of participants in the case to a comprehensive and complete investigation of the circumstances of the administrative case.

The principle (criterion) of reasonableness of administrative procedure and administrative proceedings is considered from the standpoint of etymology, the doctrine of reasonable time of proceedings, as well as the specifics of the regulation of this issue in legislation.

Keywords: *the principle of justice: criteria of justice, reasonableness, criteria of reasonableness; fair justice, objective and impartial justice: reasonable time; the doctrine of reasonable time; reasonableness of the duration of proceedings; reasonable terms of legal proceedings.*

Справедливость с точки зрения общественных наук – это универсальный принцип отношений между людьми, народами, государствами и иными субъектами, который служит нравственным ориентиром в правотворческой, правоприменительной и других видах деятельности. При этом единство в понимании содержания понятия «справедливость» в науке и законодательстве отсутствует, поскольку восприятие и вы-

ражение справедливости носит субъективный характер, а также в значительной мере зависит от сферы применения.

Одно из обобщенных определений справедливости следующее: справедливость – это понятие о должном, содержащее в себе требование соответствия деяния и воздаяния: в частности, соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания,

соответствия роли различных социальных слоёв, групп и индивидов в жизни общества и их социального положения в нём [1]. Примечательно, что согласно Толковому словарю Ожегова С.И. справедливость равнозначна беспристрастности [2].

В этой связи отметим, что понятие «справедливость» в казахстанских кодифицированных актах интерпретируется различным образом. Особенности правового регулирования принципа справедливости в материальных и процессуальных кодексах обусловлены отраслевой спецификой содержания правоотношений и особенностями производства (и судопроизводства) по юридическому делу.

В соответствии со статьей 8 Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – АППК) принцип справедливости означает, что при рассмотрении административного дела административный орган, должностное лицо и суд обязаны, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечить каждому из участников административного дела равные возможности и условия для реализации их прав на всестороннее и полное исследование обстоятельств административного дела. Применительно к административному судопроизводству установлено, что если законом или соглашением сторон спора предусматривается разрешение соответствующих вопросов судом, суд обязан разрешать эти вопросы, исходя из критериев справедливости и разумности.

Принцип справедливости означает, что при рассмотрении административного дела административный орган, должностное лицо и суд обязаны сохранять объективность и беспристрастность.

«Объективный» понимается в трех значениях: существующий вне нас как объект (объективная действительность, реальность), связанный с внешними условиями,

не зависящий от чьей-нибудь воли, возможностей (объективные обстоятельства, причины) и непредвзятый, беспристрастный (объективная оценка, суждения) [3]. Следовательно, объективность применительно к процедуре рассмотрения административного дела предполагает необходимость всестороннего его рассмотрения с точки зрения интересов всех участников процедуры либо процесса. По существу рассмотрение дела нацелено на защиту прав и законных интересов лиц и организаций на основе тщательного и независимого исследования всех обстоятельств административного дела.

«Беспристрастный» означает не имеющий ни к кому пристрастия (склонности), справедливый (беспристрастный судья, приговор) [4].

По содержанию беспристрастность – это качество или требование непредвзятого отношения судьи к каждому субъекту административной процедуры или административного процесса, участвующему в рассмотрении административного дела. Беспристрастность, являясь субъективной категорией, формируется под воздействием объективных обстоятельств дела и других факторов, являющихся предметом исследования и оценки судьи или должностного лица административного органа.

Беспристрастность судьи нередко отождествляется с его независимостью, поскольку только независимый суд (судья) способен беспристрастно осуществить судопроизводство и принять всесторонне обоснованное и справедливое решение.

В одном из своих решений Европейский суд по правам человека, разграничивая понимание вышеуказанных понятий, указал, что у требования «беспристрастности» есть два аспекта. Во-первых, трибунал должен быть субъективно свободен от личных предубеждений или пристрастий. Во-вторых, он должен быть объективно бесприст-

растен, то есть должен гарантированно исключать какие-либо обоснованные сомнения в этом отношении. Кроме того, было отмечено, что понятие беспристрастности тесно связано с понятием независимости, и их следует также как объективность и беспристрастность рассматривать вместе [5].

Из вышеуказанного следует, что мы можем говорить об условных различиях в понимании категорий «объективность» и «беспристрастность». При этом объективность и беспристрастность как обязательные условия надлежащего исполнения судьей либо должностным лицом своих обязанностей выражаются, в конечном счете, в содержании вынесенного им решения и, безусловно, во всех процессуальных действиях, сопровождающих его принятие.

Процессуальные гарантии объективности и беспристрастности лица, осуществляющего рассмотрение административного дела, весьма разнообразны. Одним из наиболее эффективных гарантий реализации указанных принципов является институт отвода и самоотвода лица, наделенного правом рассмотрения дела.

Институт отвода и самоотвода в административном судопроизводстве имеет устойчивую практику применения, апробированную в гражданском судопроизводстве. Напомним в этой связи, что согласно части 3 статьи 1 АПК в административном судопроизводстве применяются положения Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан, если иной порядок не предусмотрен АПК.

В соответствии с частью 1 статьи 38 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан, судья не может участвовать в рассмотрении и разрешении дела и подлежит отводу (самоотводу), если он: при предыдущем рассмотрении данного дела участвовал в качестве судьи, проводившего медиацию, прокурора, свиде-

теля, эксперта, специалиста, переводчика, консультанта, представителя стороны или третьего лица, секретаря судебного заседания, судебного исполнителя; является родственником, супругом (супругой) или свойственником кого-либо из лиц, участвующих в деле, или их представителей; лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела, либо, если имеются иные обстоятельства, вызывающие обоснованные сомнения в его беспристрастности.

Кроме того, в коллегиальный состав суда, рассматривающего дело, не могут входить судьи, состоящие в родстве, являющиеся супругами или свойственниками между собой.

В административной процедуре ограничения на участие должностных лиц в рассмотрении дела установлены с учетом содержания и специфики осуществления административной процедуры.

Примечательно, что предыдущее осуществление административной процедуры лицом в качестве должностного лица не является обстоятельством, исключающим его дальнейшее участие в соответствующем качестве в административной процедуре (ч.2 ст.67 АПК).

Согласно части 1 статьи 67 АПК должностное лицо не может осуществлять административную процедуру, если он: участвовал в данной административной процедуре в качестве участника административной процедуры (заявителя, заинтересованного лица) или его представителя; является близким родственником, супругом (супругой) или свойственником участника административной процедуры; находится в служебной или иной зависимости от участника административной процедуры; лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе административного дела, либо имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его объективности и беспристрастности.

В указанных нормах АППК, во-первых, речь идет о неисчерпывающем перечне оснований применения отвода и самоотвода лиц. Во-вторых, уточняется, что этот институт применяется в административном судопроизводстве при сомнениях в беспристрастности судьи, а в административной процедуре при наличии сомнений не только в беспристрастности, но и объективности должностного лица.

Отметим в этой связи, что в исследованиях по данной проблематике, как правило, принцип объективности не упоминается и превалирует мнение, что правила отводов и самоотводов должностных лиц административного органа, которые имеют личную заинтересованность в результатах рассмотрения дела, отражают принцип беспристрастности, в том числе в случаях, когда данный принцип не обозначается в качестве такого [6].

Принцип справедливости означает, что при рассмотрении административного дела административный орган, должностное лицо и суд обязаны, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечить каждому из участников административного дела (участнику административной процедуры и административного судопроизводства) равные возможности и условия для реализации их прав на всестороннее и полное исследование обстоятельств административного дела, но в пределах установленных процессуальных форм и правомочий.

Так, согласно части 1 статьи 129 АППК истец в соответствии со своими возможностями обязан участвовать в собирании доказательств, при этом вне зависимости от поданного вида иска он обязан доказать время, когда ему стало известно о нарушении его прав, свобод и законных интересов, а также размер понесенных убытков.

В зависимости от вида иска бремя до-

казывания фактических обстоятельств дела закрепляется в определенной части за истцом и (или) ответчиком и лишь в одном случае, а именно по иску об оспаривании, бремя доказывания возлагается на ответчика, принявшего обременительный административный акт.

Особенностью административного судопроизводства является то, что при провозглашении равных возможностей и условий для реализации прав участников дела на всестороннее и полное исследование обстоятельств административного дела определяются некоторые процессуальные ограничения.

Так, часть 3 статьи 129 АППК предусматривает, что «ответчик может ссылаться лишь на те обоснования, которые упомянуты в административном акте». Практически данная норма обязывает административный орган изначально на основе исследования всех обстоятельств дела дать развернутое обоснование своей правовой позиции в административном акте, то есть качественно осуществить рассмотрение дела в рамках административной процедуры.

Таким образом, равные возможности и условия для реализации прав участников дела на всестороннее и полное исследование обстоятельств административного дела не исключает их законодательного ограничения в рамках установленных процессуальных форм и в интересах наиболее полной реализации прав, свобод и законных интересов лиц, обратившихся за разрешением публично-правовых споров.

Действие принципа справедливости в административном судопроизводстве трактуется с точки зрения правовых гарантий реализации не только принципа справедливости, но и разумности, поскольку согласно части 2 статьи 8 АППК, если законом или соглашением сторон спора предусмат-

ривается разрешение соответствующих вопросов судом, суд обязан разрешать эти вопросы, исходя из критериев справедливости и разумности.

В данном случае говорится о признаках справедливости и разумности, которыми должен руководствоваться суд при рассмотрении административного дела, поскольку критерий (греч. *kriterion* – средство для решения) – это признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо [7].

В соответствии с частями 1 и 2 статьи 17 АПК принцип разумного срока судопроизводства означает, что административное судопроизводство, включая производство отдельных процессуальных действий, осуществляется в разумный срок, вместе с тем рассмотрение и разрешение отдельных категорий административных дел осуществляется в сроки, установленные АПК.

Анализ норм, характеризующих административные процедуры, позволяет утверждать, что действие принципа разумного срока не ограничивается административным процессом (как указано в статье 17 АПК), поскольку в соответствии с частью 6 статьи 64 АПК в случае несоответствия обращения в административный орган требованиям, установленным данным кодексом, административный орган (должностное лицо) указывает заявителю, каким требованиям не соответствует обращение, устанавливая разумный срок для приведения его в соответствие с требованиями.

Кроме того, согласно статье 76 АПК срок административной процедуры, возбужденной на основании обращения, может быть продлен мотивированным решением руководителя административного органа или его заместителя на разумный срок, но не более чем до двух месяцев ввиду необходимости установления фактес-

ких обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения административного дела.

Согласно Толковому словарю Ушакова Д.Н. «разумный» означает: 1) обладающий разумом; 2) толковый, рассудительный; 3) оправдываемый разумом, основанный на разуме, обладающий положительным смыслом [8].

Применительно к судопроизводству понятие «разумный», носит оценочный, то есть субъективный характер, поскольку разумность (неразумность), к примеру, сроков осуществления отдельных процессуальных действий определяется судом, в том числе вышестоящим, что позволяет говорить об определенной его связи с понятием судебного усмотрения. Одновременно это своеобразный компромисс между участниками судопроизводства, но в рамках установленных процессуальных форм и требований.

Изначально доктрина разумного срока судопроизводства присутствовала в практике Европейского суда по правам человека, которым признано, что разумность продолжительности производства по делу следует оценивать с учетом конкретных обстоятельств дела, а также критериев, изложенных в нормах прецедентного права, формируемых Судом. В частности надлежит учитывать сложность дела, действия заявителя и действия компетентных властей. В последнем случае необходимо также принимать во внимание и то, что для заявителя является важным в деле [9].

Таким образом, основными критериями разумности срока являются 1) сложность дела; 2) поведение суда (государственного органа – стороны по делу); 3) поведение заявителя; 4) значимость дела для заявителя.

Данная правовая позиция нашла воплощение в отечественном административном

процедурно-процессуальном законодательстве. Согласно части 2 статьи 17 АППК при определении разумного срока учитываются такие обстоятельства как правовая и фактическая сложность административного дела, поведение участников административного процесса, выражающееся

в степени использования процессуальных прав и выполнения процессуальных обязанностей, процессуальная достаточность и эффективность действий суда, осуществляемые в целях оперативного рассмотрения административного дела.

Список использованных источников

1. См. Толковый словарь русского языка Ожегова С.И.// <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>
2. См. там же//<https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30212>
3. См. там же // <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17957>
4. См. толковый словарь Ушакова Д.Н.// <https://gufo.me/dict/ushakov/%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9>
5. См.: Пункт 73 судебного решения «Финдли против Соединенного королевства». Европейский суд по правам человека. Извлечение. Страсбург, 25 февраля 1997 года// <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/findli-protiv-soedinennogo-korolevstva-postanovlenie-evropejskogo-suda/>
6. См., к примеру, Обзор административно-процедурного законодательства некоторых зарубежных стран. Центр исследования правовой политики// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30838432&pos=39;-51#pos=39;-51
7. См. Толковый словарь русского языка Ушакова Д.Н.//<https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=26025>
8. См. там же <https://gufo.me/dict/ushakov/%D1%80%D0%B0%D0%B7%D1%83%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D0%B9>
9. См. Пункт 125 постановления Европейского суда по правам человека от 15 июля 2002 года по делу «Калашников против Российской Федерации»// <https://docs.cntd.ru/document/901829644>

УДК 342.56

МУСИН Қанат Қалқаманұлы

Заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясының Мемлекеттік-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының доценті

ЕГЕМБЕРДИЕВ Ержан Ошақбайұлы

Заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясының Азаматтық-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының директоры.

СУДЬЯЛАР КОРПУСЫН ҚҰРУДАҒЫ ЖӘНЕ СУДЬЯНЫҢ ТӘУЕЛСІЗ МӘРТЕБЕСІН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУДЕГІ ПОЛЯК ТӘЖІРИБЕСІ

Аннотация. Осы мақала 2023 жылғы сәуірде Варшава университетінің Құқық және әкімшілендіру факультетінде (Польша) оқу-таныстыру тағылымдамасынан өту кезінде алынған материалдар негізінде дайындалды.

Мақалада Польша Республикасының судьялар корпусының құрамын қалыптастыру және судьяның тәуелсіз мәртебесін қамтамасыз ету жөніндегі тәжірибесі қарастырылады.

Авторлар поляк сот жүйесі мен соттар туралы заңнаманың жалпы сипаттамасын береді. Сонымен қатар, жалпы юрисдикциядағы соттар жүйесін (аудандық, округтік және апелляциялық) талдауға ерекше назар аударылады, олар поляк сот жүйесінің негізгі өзегі болып табылады. Бұл соттар азаматтық, экономикалық, қылмыстық істерді, сондай-ақ еңбек қатынастары мен әлеуметтік сақтандыру қатынастарынан туындайтын істерді қарауға арналған.

Мақалада судьялар корпусын қалыптастыру мәселелері, оның ішінде судьяның бос лауазымдарына конкурсқа жекелеген заң мамандықтарының өкілдеріне (заңгер ғалымдар, адвокаттар және заң кеңесшілері) қатысудың жеңілдетілген тәртібінің ерекшеліктері зерттеледі.

Мақалада поляк судьясының құқықтық мәртебесі, оның ішінде судьялардың жауапкершіліктен иммунитеті, артықшылықтары мен тәуелсіз жағдайының кепілдіктерінен, сондай-ақ олардың құқықтары мен міндеттерінен заңнамада бекіту қарастырылады.

Зерттеу барысында авторлар судьялардың тәуелсіздігінің негізгі кепілдіктерінің бірі ретінде судьяларды тиісті материалдық және әлеуметтік қамтамасыз ету қажеттілігін білдіреді. Осы мәселені зерделеу шеңберінде авторлар судьяларды ынталандырудың поляк тәжірибесіне сүйенеді, оның ішінде еңбек-ақы төлеу тетігінің, үстемеақылар белгілеудің, судьяларды материалдық және әлеуметтік қолдаудың басқа да шараларының ерекшеліктерін ашады.

Мақала салыстырмалы құқықтық талдау әдістерін қолдану арқылы жазылған.

Түйін сөздер: сот жүйесі, жалпы сот судьясы, судьяларға қойылатын та-

лаптар, судьяның құқықтық мәртебесі, әлеуметтік және материалдық қамтамасыз ету, судьяның тәуелсіздігінің кепілдіктері.

МУСИН Канат Калкаманович

Кандидат юридических наук, доцент Научно – образовательного центра государственного-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан

ЕГЕМБЕРДИЕВ Ержан Ошакбаевич

Кандидат юридических наук, директор Научно – образовательного центра гражданско-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОГО СТАТУСА СУДЬИ

Аннотация. *Настоящая статья подготовлена на основе материалов, полученных при прохождении учебно-ознакомительной стажировки на Факультете права и администрирования Варшавского университета (Польша) в апреле 2023 года.*

В статье рассматривается опыт Республики Польша по формированию состава судейского корпуса и обеспечению независимого статуса судьи.

Авторами дается общая характеристика польской судебной системы и законодательства о судах. При этом особый акцент сделан на анализе системы судов общей юрисдикции (районных, окружных и апелляционных), они являются основным ядром польской судебной системы. Данные суды призваны рассматривать гражданские, экономические, уголовные дела, а также дела, возникающие из трудовых правоотношений и отношений социального страхования.

В статье изучаются вопросы формирования судейского корпуса, в том числе особенности упрощенного порядка участия в конкурсе на вакантные должности судьи представителей отдельных юридических профессий (ученых-юристов, адвокатов и юридических консультантов).

Отдельным блоком в статье рассматриваются правовой статус польского судьи, в том числе закрепление в законодательстве иммунитета от ответственности, привилегий и гарантий независимого положения судей, а также их прав и обязанностей.

В ходе исследования авторы обозначают необходимость надлежащего материального и социального обеспечения судей, как одной из основных гарантий независимости судей. В рамках изучения данного вопроса авторы опираются на польский опыт стимулирования судей, в том числе раскрывая особенности механизма оплаты труда, установления надбавок, отпускных и других мер материальной и социальной поддержки судей.

Статья написана с использованием методов сравнительно-правового анализа.

Ключевые слова: *судебная система, судья общего суда, требования к су-*

дьям, правовой статус судьи, социальное и материальное обеспечение, гарантии независимости судьи.

MUSSIN Kanat Kalkamanovich

Candidate of Law, Associate Professor of the Scientific and Educational Center of State and Legal Disciplines of the Academy of Justice at the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan

YEGEMBERDIYEV Yerzhan Oshakbaevich

Candidate of Law, Director of the Scientific and Educational Center of Civil Law Disciplines of the Academy of Justice at the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan

POLISH EXPERIENCE IN THE FORMATION OF THE JUDICIAL CORPS AND ENSURING THE INDEPENDENT STATUS OF A JUDGE

Annotation. *This article has been prepared on the basis of materials obtained during an introductory internship at the Faculty of Law and Administration of the University of Warsaw (Poland) in April 2023.*

This article examines the experience of the Republic of Poland in forming the composition of the judiciary and ensuring the independent status of a judge.

The author gives a general description of the Polish judicial system and legislation on courts. At the same time, special emphasis is placed on the analysis of the system of courts of general jurisdiction (district, district and appellate), they are the main core of the Polish judicial system. These courts are called upon to consider civil, economic, criminal cases, as well as cases arising from labor relations and social insurance relations.

The article examines the issues of the formation of the judicial corps, including the features of the simplified procedure for participation in the competition for vacant positions of judges of representatives of certain legal professions (legal scholars, lawyers and legal consultants).

In a separate block, the article examines the legal status of the Polish judge, including the consolidation in the legislation of immunity from responsibility, privileges and guarantees of the independent position of judges, as well as their rights and obligations.

In the course of the study, the author identifies the need for proper material and social security of judges as one of the main guarantees of the independence of judges. As part of the study of this issue, the author relies on the Polish experience of stimulating judges, including revealing the specifics of the remuneration mechanism, the establishment of allowances, vacation and other measures of material and social support for judges.

The article is written using methods of comparative legal analysis.

Keywords: *judicial system, judge of the general court, requirements for judges, legal status of a judge, social and material security, guarantees of independence of a judge.*

Степень зрелости политических и правовых институтов в государствах с демократическим режимом определяется сильной и независимой судебной властью. Президент страны К. Токаев на VIII Съезде судей Республики Казахстан, поднимая вопрос о независимости судебной системы, подчеркнул, что это «является неперенным условием справедливого правосудия и повышения доверия граждан к судебной власти» [1]. В своих выступлениях он постоянно указывает на необходимость обеспечения верховенства права и качества отправления правосудия, высокой квалификации, честности и неподкупности судей [2].

В международных договорах, в частности, в Международном пакте о гражданских и политических правах отмечается важность независимого и беспристрастного суда, созданного на основании закона для обеспечения справедливого и публичного разбирательства дела [3]. Имплементация международных принципов такого порядка в национальные правовые системы имеет существенное значение для формирования правового государства.

Из мировой практики можно привести немало примеров создания надлежащих условий для развития сильных и независимых судов. При этом особый интерес представляет опыт тех стран, которые, как и Казахстан, имеют общее тоталитарное прошлое. В этом плане можно выделить Польшу – государство, достигшее на сегодняшний день ощутимых результатов в судебно-правовой реформе. При этом заслуживают внимания вопросы закрепления в польском законодательстве положений, направленных на формирование качественно-го судейского корпуса и обеспечение

независимого статуса судьи. Остановимся на некоторых примерах законодательного решения этих вопросов.

Общая характеристика судебной системы и законодательства

В целом судебная система Республики Польша имеет специфическое устройство. В соответствии с Конституцией Польши правосудие в республике отправляют Верховный Суд, общие суды, административные суды, а также военные суды [4]. Высшей инстанцией для общих и военных судов является Верховный суд, для административных – Высший административный суд. Наряду с судами функционируют квази-судебные органы – Конституционный и Государственный трибуналы, которые также являются властью, обособленной и независимой от других властей.

Особый интерес представляет система судов общей юрисдикции (районных, окружных и апелляционных), они являются основным ядром польской судебной системы. Данные суды призваны рассматривать гражданские, экономические, уголовные дела, а также дела, возникающие из трудовых правоотношений и отношений социального страхования.

Как известно, степень правовой регламентации имеет решающее значение для эффективного функционирования того или иного правового института. В этом плане институт правового статуса судьи не является исключением. Подробное законодательное регулирование всего комплекса вопросов, связанных с установлением требований к кандидатам на должность судьи, правомочий судьи, ответственности, правил назначения и отставки судьи выступает важной гарантией обеспечения его особого статуса.

Закон Республики Польша «О системе общих судов» (далее – польский закон) от 27 июля 2001 года представляет собой один из таких примеров [5]. В этом законе четко прописаны все нюансы, связанные с процедурой отбора и назначения на должность судьи, его перемещения, отставки, дисциплинарного производства и другие вопросы. Для сравнения, в Конституционном Законе Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» от 25 декабря 2000 года (далее – казахстанский закон) базовые вопросы статуса судьи отражены более компактно [6]. Отдельные моменты, касающиеся положения казахстанских судей, детализированы в других правовых актах (например, порядок проведения оценки профессиональной деятельности судьи [7], порядок рассмотрения дисциплинарных дел в отношении судей [8] и т. д.).

Формирование судебского корпуса

Судья общего (районного, окружного, апелляционного) суда Польши назначается президентом государства. Можно охарактеризовать общность подходов к установлению требований к кандидатам на должность судьи в Казахстане и Польше. Это касается условий наличия у кандидатов национального гражданства, соответствия по возрасту, юридическому стажу, безупречной репутации, годности по состоянию здоровья, а также сдачи экзамена.

Различия обнаруживаются в деталях, некоторые из которых являются существенными. Так, например, кандидат на должность судьи районного суда Польши должен иметь магистерское юридическое образование, когда как в Казахстане достаточно наличие диплома бакалавра.

Другая важная особенность заключается в том, что в Польше по общему правилу претендовать на должность судьи могут только судебные ассесоры (*asesor sądowy*), которые на момент участия в конкурсе уже исполняют обязанности судьи не менее трех лет [5]. При этом судебными ассессорами назначаются лица, прошедшие 36-ти месячную подготовку в Национальной школе судебных органов и прокуратуры Польши (далее – Школа) и сдавшие по окончании обучения квалификационный экзамен на судью [9]. Распределение выпускников Школы на должности судебных ассессоров по судам проводится в соответствии с Классификационным списком, в котором их ранжирование осуществляется по сумме баллов по итогам квалификационного экзамена. Выпускники в порядке очереди выбирают одну из вакантных должностей судебного ассессора в перечне, утвержденном Министром юстиции. Таким образом, для назначения на должность судьи в Польше претенденту в общей сложности необходимо 6 лет: из них 3 года обучения в Школе и затем 3 года работы на должности судебного ассессора.

В Казахстане право участвовать в конкурсе на вакантную должность судьи предоставлено любому практикующему юристу, имеющему стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет. Ему не обязательно до этого работать в судебной системе или окончить одногодичную магистратуру в Академии правосудия при Верховном суде Республики Казахстан. Достаточным является то, что после сдачи квалификационного экзамена претендент проходит стажировку в суде сроком до одного года в зависимости от зарабо-

танного им ранее юридического стажа.

Как видим, в Польше для кандидатов, претендующих на должности судьи, установлены более высокие требования к уровню их теоретической готовности (наличие диплома магистра, обязательное обучение в Школе) и практическому опыту (работа в суде в качестве судебного асессора). Такой подход может представлять определённый интерес для казахстанского законодателя.

Заслуживают внимания исключения из общих правил, которые в польском законе также подробно отражены. Не все претенденты на должность судьи районного суда обязаны сдать квалификационный экзамен и проработать три года на должности судебного асессора. Указанные условия не требуются для тех, кто занимает должность прокурора, судьи административного или военного суда. Не сдают квалификационный экзамен также юристы из негосударственного сектора – адвокаты, юрисконсульты и нотариусы, имеющие стаж работы не менее трех лет. На следующие уровни судебной системы требуемый стаж по профессии для практикующих юристов планомерно повышается (окружной суд – 6 лет, апелляционный и Верховный суд – 10 лет) [5].

Важно подчеркнуть, что польский законодатель высоко оценивает интеллектуальный потенциал научных работников, допуская их к судебной деятельности. Так, например, не требуется стаж работы в качестве судебного асессора и прохождение квалификационного экзамена для профессоров и докторов права, работающих в польском университете, Польской академии наук, в научно-исследовательском институте или другом научном учреждении. Более того, именно этой категории юристов

предоставлена возможность работать на должности судьи на неполной, но не менее чем половинной основе [5].

Следует также отметить, что, так называемый, «боковой вход», для научных работников разрешен во все звенья судебной системы Польши, вплоть до Верховного суда [10]. На практике до трети состава Верховного суда могут составлять ученые лица, пришедшие в судебную систему, не имея судебного опыта. Еще один интересный момент – в административных судах «боковым входом» могут воспользоваться профессоры или доктора юридических наук, при этом не обязательно работающие в высших образовательных и научных учреждениях [11].

Кандидаты на вакантную должность судьи из числа представителей юридических профессий, не сдающие экзамен, вместо сдачи квалификационного экзамена проходят процедуру оценки квалификации. Выборочно оцениваются дела различных категорий, в которых он ранее принимал участие в качестве прокурора, адвоката, юрисконсульта, нотариуса. Для этого, например, адвокат должен представить список 50 судебных дел с его участием. Кандидату из числа ученых-юристов необходимо предоставить список публикаций, копии юридических заключений и другие достижения в области образования и науки. Оценка квалификации по представленным документам по поручению председателя суда, в который подано заявление, проводится одним или несколькими судьями. Она включает в себя проверку уровня практических знаний кандидата, эффективности и результативности его работы, реализации им процесса повышения квалификации, а также профессиональной куль-

туры в широком понимании слова [5]. Далее по итогам оценки Национальный совет судебной власти рассматривает кандидатуры на должности судей судов общей юрисдикции и представляет их на утверждение Президенту Польши. После вступления в должность судьи проходят обучение методике работы судьи в Школе [9].

В Казахстане исключения из общих правил («боковой вход») установлены только для областных и приравненных к ним судов, а также Верховного суда. На должность судьи областного суда могут претендовать специалисты в отдельных отраслях права, перечень которых утверждается Высшим Судебным Советом по предложению Верховного Суда. Для них определен упрощенный порядок сдачи квалификационного экзамена и отдельный конкурс. На должность судьи Верховного Суда кандидатура для избирания Сенатом представляет Президент Республики Казахстан во внеконкурсном порядке [6].

Сравнивая опыт Польши и Казахстана в вопросах организации упрощенного порядка участия в конкурсе, из польской практики можно было бы взять на заметку законодательное закрепление такой возможности для представителей конкретных юридических профессий (ученых-юристов, адвокатов и юридических консультантов).

Статус судьи

Судьи являются единственными носителями судебной власти. В Казахстане это важнейшее положение подкреплено провозглашением принципа единства правового статуса всех судей. Согласно ст. 23 Конституционного закона РК «О судебной системе» судьи всех судов Республики Казахстан обладают единым статусом и различаются между

собой только полномочиями [12]. Анализ польского закона дает основание полагать о таком же подходе в определении единого статуса судьи в Польше.

Более того, обнаруживаемая близость некоторых формулировок подтверждает их общее заимствование из универсальных международных документов, целью которых является закрепление гарантий независимого статуса судей. Так, по Конституции Республики Польши судьи при исполнении своей должности независимы и подчиняются только Конституции и законам (ст.178); судьи несменяемы (ст.180); судья без предварительного согласия определённого законом суда не может быть привлечен к уголовной ответственности и лишен свободы; судья не может быть задержан или арестован, за исключением задержания его на месте преступления, если его задержание необходимо для обеспечения правильного хода производства (ст.181) и др. [4]. Важной гарантией соблюдения прав судьи при рассмотрении дисциплинарным судом возбужденного в отношении него дела является наличие института дисциплинарного омбудсмана.

Наряду с закреплением иммунитета, привилегий и гарантий независимого положения судей, польский закон устанавливает обязанности судьи. Судья в Польше должен, как при исполнении служебных обязанностей, так и вне его, сохранять серьезность своей позиции и избегать всего, что может подорвать достоинство судьи или подорвать уверенность в его беспристрастности. Он обязан хранить в тайне обстоятельства дела, ставшие ему известными в связи с его должностью, кроме открытого судебного заседания. При этом обязанность хранить тайну продолжает сох-

раняться и после прекращения служебных отношений.

Польский судья обязан постоянно повышать свою профессиональную квалификацию: по возможности ежегодно участвовать в обучении, организуемом Школой, или других формах повышения квалификации в целях пополнения специальных знаний и профессиональных навыков. В казахстанском законе, например, такая обязанность для судьи не зафиксирована. Хотя, при этом, для политических и административных государственных служащих обязанность повышать свой профессиональный уровень и квалификацию закреплена Законом Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» (под.14) ст.10) [13].

Судья в Польше не может осуществлять дополнительную работу, кроме работы на педагогической, научно-педагогической или научной должности в общем объеме, не превышающем полного рабочего времени работников, занятых на этих должностях, если выполнение такой работы не препятствует исполнению обязанностей судьи. Здесь особо следует отметить возможность судьи заниматься педагогической работой в Школе. Согласно польскому закону только судья с высоким уровнем юридического образования и знанием вопросов, входящих в сферу возложенных на него обязанностей, может быть с его согласия делегирован Министром юстиции в Школу для проведения учебных занятий. Делегированный судья получает базовый оклад по занимаемой должности судьи, а также надбавку за выслугу лет и служебную надбавку. Безусловно, такой подход мотивирует польского судью осуществлять педагогическую деятельность в Школе.

Польский судья не может быть членом правления, наблюдательного совета, а также ревизионной комиссии коммерческой юридической компании, кооператива или фонда, осуществляющего предпринимательскую деятельность. Вместе с тем, польский закон уточняет, что судье запрещается владеть более 10% акций уставного капитала коммерческой юридической компании, а также осуществлять предпринимательскую деятельность от своего имени или совместно с другими лицами руководить такой деятельностью либо быть представителем или полномочным представителем при осуществлении такой деятельности.

В польском законодательстве присутствует и ряд других норм, детально регламентирующих отдельные аспекты правового статуса судей, которые могут представлять интерес, как в научном, так и практическом плане.

Материальное и социальное обеспечение судей

Необходимость надлежащего материального и социального обеспечения судей представляет актуальность на международном уровне. Например, в Основных принципах, касающихся независимости судебных органов прямо указывается, что «каждое государство-член обязано предоставлять соответствующие средства, позволяющие судебным органам надлежащим образом выполнять свои функции» [14].

В соответствии с казахстанским законом одной из гарантий независимости судей является предоставление им за счет государства материального содержания и социального обеспечения, соответствующих их статусу, а также запретом на его ухудшение (под.5) п.1 ст.26). При этом материальное обеспе-

чение судьи должно соответствовать его статусу и обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия и не может быть уменьшено.

Согласно казахстанскому закону оплата труда судьи определяется в соответствии с подпунктом 9-1) статьи 66 Конституции с учетом статуса судьи, порядка его назначения и избрания, а также осуществляемых им функций [6]. Отсылочная норма направляет к полномочию Правительства Республики Казахстан по согласованию с Президентом Республики утверждать единую систему финансирования и оплаты труда работников для всех органов, содержащихся за счет государственного бюджета. Таким образом, высший орган исполнительной власти определяет размеры должностных окладов отечественных судей.

В Польше механизм оплаты труда

судьи имеет кардинальные отличия: размер вознаграждения судей определяется непосредственно в самом польском законе, что показывает пример последовательной реализации финансовой независимости судебной системы, в том числе и от органов исполнительной власти.

Должностной оклад польских судей, занимающих равноценные судебские должности, варьируется в зависимости от стажа работы или выполняемых функций. Основой для определения основного вознаграждения судьи в каждом новом году является среднее вознаграждение во втором квартале предыдущего года, объявленное в Официальном журнале Республики Польша «Monitor Polski».

Базовый оклад судьи устанавливается в ставках, размер которых определяется с использованием множителей базы [5].

Позиция	Базовая ставка оклада	Множитель
судья районного суда	первая	2,05
	вторая	2,17
	третья	2,28
	четвертая	2,36
	пятая	2,50
судья окружного суда	четвертая	2,36
	пятая	2,50
	шестая	2,65
	седьмая	2,75
	восьмая	2,92
судья апелляционного суда	седьмая	2,75
	восьмая	2,92
	девятая	3,12
	десятая	3,23

Принцип повышения базовых ставок в зависимости от уровня суда следующий. Судья, занимающий должность в районном суде, имеет право на базовый оклад по первой ставке. Судья, занимающий должность в окружном

суде, имеет право на базовый оклад по четвертой ставке, а если на более низкой должности он уже получал вознаграждение в четвертой или пятой ставке, – ему полагается базовый оклад в пятой или шестой ставке соответ-

венно. Судья, занимающий должность в апелляционном суде, имеет право на базовый оклад в седьмой ставке, а если на более низкой должности он уже получал вознаграждение по седьмой или восьмой ставке, – ему полагается базовый оклад в восьмой или девятой ставке соответственно. Базовая ставка повышается после пяти лет работы подряд в данной судейской должности.

В связи с выполняемой дополнительной функцией судья имеет право на получение функциональной надбавки. Перечень таких функций и порядок определения надбавок устанавливает Министр юстиции после консультации с Национальным советом судебной власти.

Оплата труда польских судей также дифференцируется надбавкой за выслугу лет, которая, начиная с шестого года службы, составляет 5% от должностного оклада и ежегодно увеличивается на 1%, пока не достигнет 20% от должностного оклада [5].

Надо отметить, что ранее заработная плата казахстанского судьи также состояла из должностного оклада, надбавки за квалификационный класс, надбавки за выслугу лет. Судье могли производиться иные выплаты, предусмотренные законами и другими нормативными правовыми актами. Однако, в связи с принятием поправок в казахстанский закон в 2000 г. указанные льготы были признаны утратившими силу, и, тем самым, как отмечает Г.Ж. Сулейменова уровень материального и социального обеспечения судей был значительно снижен [15].

Казахстанским судьям предоставляется ежегодный отпуск, который ограничивается лишь 30 календарными днями. В Польше, кроме основного от-

пуска, судья имеет право на дополнительный ежегодный отпуск: 6 рабочих дней – после десяти лет работы и 12 рабочих дней – после пятнадцати лет работы. Причем в период работы, определяющий продолжительность дополнительного отпуска, включаются все периоды работы в суде, прокуратуре, а также периоды занятия профессией адвоката, юрисконсульта или занятия независимой должности в органах государственной власти, с которыми была связана юридическая практика.

Согласно польскому закону судья имеет право на юбилейную премию после каждых пяти лет работы (например, после 20 лет работы – 100% месячного оклада, после 25 лет работы – 150% месячного оклада и т. д.), что является важным стимулирующим фактором для продолжения трудовой деятельности на должности судьи.

Судье может быть предоставлен оплачиваемый отпуск до 6 месяцев по состоянию здоровья для прохождения назначенного лечения, если лечение требует воздержания от несения служебных обязанностей.

В период отсутствия на работе по болезни (больничный) судья получает 80% заработной платы. По истечении одного года, в период дальнейшего отсутствия на работе по болезни, судья получает 50% своего оклада [5].

Если отсутствие судьи на работе было вызвано, например, несчастным случаем на работе или по дороге на работу или с работы, либо с заболеванием, возникшем в связи с особенностями или условиями исполнения обязанностей судьи, за судьей сохраняется право на получение 100% вознаграждения, сроком не более чем на один год. Польским законом за «заболеванием,

обусловленным особенностями или условиями исполнения обязанностей судьи» признается заболевание, вызванное действием вредных факторов, присутствующих в месте исполнения обязанностей судьи [5].

Как правило, польский судья должен проживать в городе, в котором находится суд, где он работает. Но председатель суда в обоснованных случаях может дать согласие на проживание судьи в другом городе. При таких обстоятельствах судья получает возмещение расходов на проезд от места жительства до места нахождения суда.

Судья, уходящий в отставку или ушедший в отставку по возрасту (пенсия), болезни или инвалидности, имеет право на вознаграждение в размере 75% от базового оклада и надбавки за выслугу лет, получаемой на последней занимаемой должности. Он также получает единовременное выходное пособие в размере шестимесячного вознаграждения. Заметим, в Казахстане максимальный размер ежемесячного пожизненного содержания судьи, пре-

бывающего в отставке, не должен превышать 65% от должностного оклада по последней занимаемой должности судьи и стодевятикратный месячный расчетный показатель, установленный законом о республиканском бюджете на соответствующий финансовый год [5].

Таким образом, подводя итоги изучения отдельных вопросов регулирования правового статуса польского судьи, можно отметить стремление Польши усилить качественный состав судебной корпорации за счет создания соответствующих условий для привлечения в судебную систему юристов высокой квалификации. Еще важным выводом является наличие системного подхода в социальном и материальном обеспечении деятельности судей как необходимой предпосылки формирования независимой и сильной судебной власти. Ряд положительных примеров из польского опыта регулирования статуса судей, нашедших отражение в данной статье, заслуживают внимательного изучения для отечественного законодателя.

Список использованных источников

1. Глава государства принял участие в VIII Съезде судей Республики Казахстан // https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_sittings/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-viii-sezde-sudei-respubliki-kazahstan
2. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2022 года «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» // <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130>
3. Закон Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года «О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах» // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000091_
4. Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 года // <https://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/rosyjski/kon1.htm>
5. Закон Республики Польша «О системе общих судов Польши» от 27 июля 2001 года // [https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/prawo-o-ustroju-sadow-powszechnych-16909701?unitId=art\(2\)](https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/prawo-o-ustroju-sadow-powszechnych-16909701?unitId=art(2))

6. Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» // https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z000000132_/20.04.2023

7. Положение о Комиссии по качеству правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан, утвержденное Указом Президента Республики Казахстан от 26 июня 2001 года // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34034042

8. Положение о Судебном жюри утвержденное Указом Президента Республики Казахстан от 26 июня 2001 года // https://adilet.zan.kz/rus/docs/U010000643_

9. Закон Республики Польша «О Национальной школе судебных органов и прокуратуры Польши» от 23 января 2009 г. // <https://lexlege.pl/ustawa-o-krajowej-szkole-sadownictwa-i-prokuratury/>

10. Закон Республики Польша «О Верховном суде» от 8 декабря 2017 года // http://www.sn.pl/osadzienajwyzszym/SitePages/Status_prawny.aspx

11. Закон Республики Польша «О системе административных судов» от 25 июля 2002 г. // <https://www.nsa.gov.pl/ustawy/ustawa-z-dnia-25-lipca-2002-g-prawo-o-ustrojusadow-administracyjnych,news,36,734.php>

12. Акимбекова С.А. Правовой статус судьи в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства РК. – №4 (49) – 2017. – С.35-43.

13. Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V «О государственной службе Республики Казахстан» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416>

14. Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов: приняты УП Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Милан, 26 августа – 6 сентября 1985 г.) // Международно-правовая защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М., 1990. – С. 328-329.

15. Сулейменова Г.Ж. Проблемы материального и социального обеспечения судей // Предупреждение преступности. – 2009. – № 2 (26). – С. 13-16.

АЗАМАТТЫҚ ПРОЦЕСС / ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС / CIVIL PROCEDURE

УДК 347.963

БАЙМОЛДИНА Зәуреш Хамитқызы

Заң ғылымдарының кандидаты, доцент, Азаматтық-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының профессоры, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясының ректоры

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АЗАМАТТЫҚ ПРОЦЕСТЕ ПРОКУРОРДЫҢ ӨКІЛЕТТЕРІ ТУРАЛЫ

Аннотация. Мақалада прокуратура органдары жүйесінің даму тарихы призмасы арқылы оның қадағалау функцияларын жүзеге асыруына баса назар аударатырып, азаматтық сот ісін жүргізудегі прокурордың өкілеттіктері айқындалады. Прокуратура қызметінің елдегі экономикалық және әлеуметтік жағдайларға тәуелділігіне (қайта құрудың әртүрлі кезеңдері) байланысты Қазақстан Ресей империясының құрамында болған кезеңде, кеңестік кезеңде және Тәуелсіздік жылдарында прокурордың өкілеттігі сараланады (90-шы жылдардан 2017 жылғы конституциялық реформаға дейін; 2017 және 2022 жылдардағы конституциялық реформалар аралығында; 2022 жылғы конституциялық реформадан кейін). Тарихи көзқарас негізінде Қазақстан дамуының белгілі бір кезеңінде биліктің саяси ерік-жігерімен де айқындалған прокурорлық қадағалаудың ерекшелігі ашылды, ол заңнамада, оның ішінде азаматтық процесстік заңында көрініс тапты. Қазіргі заманғы заңнаманы талдау прокурордың азаматтық процеске қатысу институтын жетілдіру қажеттілігі туралы бекітуге мүмкіндік береді, ол мақаланың соңғы бөлігінде нақты ұсыныстар түрінде баяндалады.

Түйін сөздер: азаматтық сот ісін жүргізу, прокурордың өкілеттігі, прокурорлық қадағалаудың шектері, прокурордың қатысу нысандары, соттың және судьяның тәуелсіздігі, процесстің жарыспалылығы, материалдық және азаматтық іс жүргізу құқығының ара-қатынасы, диспозитивтілік.

БАЙМОЛДИНА Зауреш Хамитовна

Кандидат юридических наук, доцент, профессор Научно-образовательного центра гражданско-правовых дисциплин, ректор Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан

О ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье раскрываются полномочия прокурора в гражданском судопроизводстве с акцентом на осуществление им надзорных функций сквозь призму истории развития системы органов прокуратуры. Исходя из зависи-

мости функционирования прокуратуры от экономических и социальных условий в стране (различных этапов преобразований) дифференцируются полномочия прокурора в период нахождения Казахстана в составе Российской империи, в советский период и в годы Независимости (с 90-х годов до конституционной реформы 2017 года; в период между конституционными реформами 2017 и 2022 годов; после конституционной реформы 2022 года). Основываясь на историческом подходе, выявлена специфика прокурорского надзора, обусловленная также политической волей власти в определенный период развития Казахстана, что находило отражение в законодательстве, включая гражданско-процессуальное. Анализ современного законодательства позволяет утверждать о необходимости совершенствования института участия прокурора в гражданском процессе, что изложено в виде конкретных предложений в заключительной части статьи.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, полномочия прокурора, пределы прокурорского надзора, формы участия прокурора, независимость суда и судьи, состязательность процесса, соотношение материального и гражданского процессуального права, диспозитивность.

BAIMOLDINA Zauresh Khamitovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Scientific and Educational Center of Civil Law Disciplines, Rector of the Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan

ON THE POWERS OF THE PROSECUTOR IN CIVIL PROCEEDINGS OF KAZAKHSTAN

Abstract. *The article reveals the powers of the prosecutor in civil proceedings with an emphasis on the exercise of his supervisory functions through the prism of the history of the development of the system of prosecutor's offices. Based on the dependence of the functioning of the prosecutor's office on the economic and social conditions in the country (various stages of transformation), the powers of the prosecutor are differentiated during the period when Kazakhstan was part of the Russian Empire, during the Soviet period and during the years of Independence (from the 90s to the constitutional reform of 2017; in the period between the constitutional reforms of 2017 and 2022; after the constitutional reform reforms of 2022). Based on the historical approach, the specificity of prosecutorial supervision, which was also determined by the political will of the authorities in a certain period of development of Kazakhstan, was revealed, which was reflected in the legislation, including civil procedure. The analysis of modern legislation allows us to assert the need to improve the institution of the prosecutor's participation in civil proceedings, which is set out in the form of specific proposals in the final part of the article.*

Keywords: *civil proceedings, the powers of the prosecutor, the limits of prosecutorial supervision, the forms of participation of the prosecutor, the independence of the court and the judge, the adversarial nature of the process, the ratio of substantive and civil procedural law, dispositivity.*

Полномочия прокурора в период нахождения Казахстана в составе Российской империи. Прокуратура была образована указом Петра I от 12 января 1722 года «О должности Генерал-прокурора» [1], действие которого распространилось на казахскую территорию спустя некоторое время после ее вхождения в состав Российской империи. Она создавалась для осуществления контроля и надзора за соблюдением законов государственными органами, в том числе Сенатом, один из органов которого являлся высшей апелляционной инстанцией по торговым делам. После смерти Петра I система прокуратуры и ликвидировалась, и восстанавливалась. Следует отметить, что даже в период функционирования органов прокуратуры согласно Уставу судопроизводства 1832 года губернским прокурорам было запрещено осуществлять надзор за коммерческими судами [2; с. 11]. Но при Екатерине II роль прокуратуры значительно возросла. В последней трети XVIII века генерал-прокурор стал высшим органом общей компетенции, оставаясь одновременно высшим органом надзора [3; с. 252]. Во второй половине XIX века прокуратура подверглась существенным изменениям с принятием в 1862 году Основных положений о прокуратуре [4; с. 252]. В них впервые были систематизированы принципы организации и деятельности прокуратуры, которые сохранили свою актуальность до настоящего времени, конечно, с известной долей модификации, обусловленной изменениями эпох. В этой связи небезынтересно их перечислить: (1) единство и централизация органов прокурорского надзора; (2) осуществление прокурорами возложенных на них функций от имени всей системы прокурорских органов; (3) осуществление верховного надзора в империи генерал-прокурором; (4) подчинен-

ность нижестоящих прокуроров вышестоящим; (5) несменяемость прокуроров; (6) независимость прокуроров от местных властей [5; с. 16].

Функции прокуратуры в значительной мере были связаны с судопроизводством, когда по итогам судебной реформы 1864 года прокуратура была соединена с Министерством юстиции, но вышеуказанные принципы ее организации и деятельности продолжали действовать [6; с. 5]. В последующий период Российской империи надзорные функции прокуратуры расширились, ее деятельность в этом направлении активизировалась [6; с. 5].

Полномочия прокурора в гражданском процессе в советский период. В 1917 году, после свершения Октябрьской революции, прокуратура как система государственных органов прекратила свою деятельность с принятием Декрета о суде № 1 [7]. Лишь в мае 1922 года прокуратура вновь была создана как централизованная система органов советского государства. 26 мая 1922 года ВЦИК РСФСР принял Положение о прокурорском надзоре [8], которое определяло основные задачи советской прокуратуры: осуществление надзора от имени государства за законностью, борьба с преступностью. Роль прокуратуры была определена в законодательном порядке, исходя из новой концепции участия прокуратуры в гражданском судопроизводстве, согласно которой ей предоставлялись широкие полномочия по надзору за судами.

Ст. 2 ГПК РСФСР 1923 года [9] закрепляла, что прокурор вправе как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс. Позднее полномочия прокуратуры в области судебного надзора были определены Положением о Верхов-

ном Суде СССР и прокуратуре Верховного Суда СССР от 24 июля 1929 года [10]. Согласно данному Положению Прокурор Верховного Суда СССР осуществлял: (1) наблюдение за правильным и единообразным применением общесоюзного законодательства в практике судебных учреждений с внесением представлений в Пленум Верховного Суда СССР о даче руководящих разъяснений и толкований Верховным Судам союзных республик; (2) наблюдение за соответствием постановлений Пленумов Верховных Судов союзных республик общесоюзному законодательству с внесением в Пленум Верховного Суда СССР представлений об опротестовании этих постановлений в Президиум ЦИК СССР в случаях противоречия их общесоюзному законодательству или нарушения ими интересов других союзных республик; (3) осуществление надзора за правильностью применения действующего законодательства в приговорах, решениях и определениях коллегий и специальных судебных присутствий Верховного Суда СССР, а также кассационного присутствия военной коллегии Верховного Суда СССР с внесением протестов в Пленум Верховного Суда СССР; (4) надзор за производством дел в военных трибуналах и военной прокуратуре.

Это означало, что в течение примерно 12 лет после революции суд был поставлен под надзор прокуратуры. Обоснованием для этого послужил тезис: обеспечить четкое проведение судами «классовой линии» при рассмотрении не только уголовных, но и гражданских дел. Участие прокурора в гражданском процессе стало осуществляться во исполнение задачи по надзору за законностью рассмотрения гражданских дел в судах.

Конституция Казахской ССР [11], принятая 26 марта 1937 г., заложила право-

вую основу для отделения прокуратуры от Наркомюста и создания самостоятельной системы органов прокуратуры (статьи 91 – 94 главы VII «Суд и прокуратура»), при этом ее полномочия в гражданском судопроизводстве не изменились.

Конституция Казахской ССР от 20 апреля 1978 г. [12] предусматривала самостоятельную главу 19 «Прокуратура» (статьи 164 – 167) в разделе VIII «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор», что свидетельствует об усилении роли прокуратуры в обеспечении социалистической законности.

Позднее принятые акты, регулировавшие порядок организации и деятельность прокуратуры, не вносили каких-либо существенных изменений в полномочия прокуратуры в гражданском процессе. В нормативных правовых актах незыблемой оставалась норма о прокурорском надзоре. Так, статья 12 ГПК Казахской ССР от 28 декабря 1963 г. [13] именовалась «Прокурорский надзор в гражданском судопроизводстве». Генеральный прокурор СССР и подчиненные ему Прокурор Казахской ССР и нижестоящие прокуроры осуществляли надзор за точным и единообразным исполнением законов в гражданском судопроизводстве. Прокурор обязан был во всех стадиях гражданского судопроизводства своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили. Такое положение сохранялось и в первые годы 90-х годов прошлого века.

Полномочия прокурора с 90-х годов до конституционной реформы 2017 года. 17 января 1992 года был принят Закон РК «О Прокуратуре Республики Казахстан» [14], который закреплял функцию прокуратуры по осуществлению высшего надзора за исполнением законов, включая

соответствие судебных актов законам (ст. 1, пункт 3 ст. 5, статьи 44 – 49). Вместе с тем в начале 90-х годов началось реформирование всех сфер жизнедеятельности общества и государства, в том числе стала подвергаться критике сложившаяся концепция прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве. Серьезные политические, экономические и социальные изменения в обществе нашли отражение в Конституции 1993 года [15], признавшей, что государственная власть в Республике Казахстан основывается на принципе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную (преамбула). Статья 106 Конституции 1993 года предусматривала осуществление прокуратурой надзора за точным и единообразным исполнением законов на территории Республики Казахстан в пределах ее компетенции, а суд – это правоприменительный орган, из чего следовало, что прокурорский надзор не распространялся на деятельность суда по отправлению правосудия. Эта же статья устанавливала, что в случаях и в порядке, предусмотренных законом, органы прокуратуры осуществляют уголовное преследование, участвуют в судебном разбирательстве дел. Указанные конституционные нормы стали правовой предпосылкой для становления независимой судебной ветви власти, пересмотра роли и задач прокуратуры. Новый подход к деятельности прокуратуры в концентрированном виде нашел отражение в Государственной программе правовой реформы в Республике Казахстан от 12 февраля 1994 года [16] (утратила силу в соответствии с Указом Президента РК от 9 января 2006 года № 1696). Суть сводилась к следующему. Построение правового государства требует рационального преобразования прокуратуры Республики Казахстан и системы прокурорского надзора. Контроль за

судом со стороны прокуратуры должен быть исключен. Главными направлениями деятельности прокуратуры должны быть: участие в судебном разбирательстве дел; представительство интересов государства; надзор за законностью судебных актов. По замыслу авторов данной Госпрограммы, надзор за деятельностью судов по отправлению недопустим, ибо это противоречит принципу независимости судей и подчинения их только Конституции и закону. Прокурорский надзор за законностью рассмотрения судами дел и принцип независимости судей – это взаимоисключающие категории.

Однако прокурорский надзор в гражданском процессе не был исключен. В 1995 году была принята новая Конституция [17], пункт 1 статьи 83 которой в редакции, действовавшей до внесения поправок Законом РК от 10 марта 2017 г., закреплял: «Прокуратура от имени государства осуществляет высший надзор за точным и единообразным применением законов, указов Президента Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов на территории Республики, <...>, принимает меры по выявлению и устранению любых нарушений законности, а также опротестовывает законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции и законам Республики. Прокуратура представляет интересы государства в суде ...». Из буквального толкования конституционной нормы об осуществлении прокуратурой высшего надзора за точным и единообразным применением нормативных правовых актов следовало, что прокурор наделен полномочиями по надзору и в сфере гражданского судопроизводства. Такие полномочия были закреплены в ГПК КазССР¹, действовавшей до 1 июля 1999 г., и в Зако-

¹ В частности, речь идет о статье 12 ГПК КазССР, содержание которой приведено выше.

не РК «О Прокуратуре» от 21 декабря 1995 г. [18]. Надзорная деятельность прокурора в гражданском судопроизводстве выражалась в возможностях: (1) опротестования как вступивших, так и не вступивших в законную силу судебных актов; (2) истребования гражданских дел из суда, по которым решения и иные судебные акты вступили в законную силу; (3) приостановления исполнения судебных актов, вступивших в законную силу. Важно отметить, что принесение протеста отражало мнение прокурора о неправомерности судебного акта, проверка же его законности и обоснованности осуществлялась судом вышестоящей инстанции. Протест прокурора в этом контексте рассматривается как средство возбуждения судебной деятельности по пересмотру судебных актов. Надзорные функции прокурора неразрывно были связаны с таким направлением деятельности органов прокуратуры как представительство интересов государства в суде (статьи 30 – 33 Закона РК «О Прокуратуре» 1995 г.), включая участие прокурора при рассмотрении дел на любых стадиях гражданского процесса. Реализация надзорных полномочий проявлялась в таких формах участия прокурора в гражданском процессе как предъявление иска в защиту «чужих» прав и дача заключения по делу.

13 июля 1999 г. был принят первый ГПК Республики Казахстан [19], сохранивший прежние надзорные функции прокурора в гражданском процессе – осуществление прокурором от имени государства высшего надзора за точным и единообразным применением законов в гражданском судопроизводстве (ч. 1 ст. 55). Что касается участия прокурора при рассмотрении гражданских дел, то законодательные ограничения были настолько расплывчато сформулированы, что невозможно было

точно определить пределы предъявления прокурором иска в суд и вступления прокурора в начатый процесс для дачи заключения по делу². Такое законодательное регулирование вопросов участия прокурора в гражданском процессе показывает внутреннюю противоречивость норм ГПК РК 1999 г., ибо в нем одновременно были закреплены принципы независимости судей и судов (ст. 12), состязательности и равноправия сторон (статьи 15, 65), диспозитивности (ч. 1 ст. 8, ст. 49 и др.).

Новый ГПК РК, принятый 31 октября 2015 г. (введен в действие с 1 января 2016 г.) [20], не внес каких-либо изменений в регулирование прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве, на которых можно было бы акцентировать внимание.

Полномочия прокурора в период между конституционными реформами 2017 и 2022 годов. В результате реформы в 2017 г. [21] были уточнены конституционные основы деятельности прокуратуры, в частности пересмотрены полномочия органов прокуратуры, в том числе по осуществлению прокурорского надзора. П. 1 ст. 83 был изложен в следующей редакции: «Прокуратура от имени государства осуществляет в установленных законом пределах и формах высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан, представляет ин-

² Ч. 2 ст. 8 ГПК РК 1999 года устанавливала, что прокурор вправе обратиться в суд с иском (заявлением) в целях осуществления возложенных на него обязанностей и для защиты прав граждан, юридических лиц, общественных и государственных интересов. Части 2 и 3 ст. 55 ГПК РК 1999 г. предусматривали, что (1) прокурор вправе обратиться в суд с иском, заявлением о защите прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, общественных или государственных интересов. Иск о защите трудовых, жилищных и иных прав и свобод неограниченного круга лиц в социальной сфере, а также в защиту интересов недееспособного гражданина может быть предъявлен прокурором независимо от просьбы и заявления заинтересованного лица; (2) прокурор вправе вступить в процесс по своей инициативе или по инициативе суда для дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на него обязанностей и для защиты прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, общественных или государственных интересов.

тересы государства в суде и от имени государства осуществляет уголовное преследование.» Из данной конституционной нормы следует, что предмет прокурорского надзора кардинально изменился: ранее Основной закон страны предусматривал высший надзор за точным и единообразным применением нормативных правовых актов, теперь же – за соблюдением законности.

В правовой науке давно утвердился взгляд о том, что применение и соблюдение являются отдельными формами реализации права³. Применение рассматривается как особая форма реализации права, осуществляемая государством в лице своих органов (включая суды) и иными административными органами в отношении конкретных жизненных случаев путем решения определенных вопросов. При этом правоприменитель, применяя одну норму права, одновременно реализует другие нормы права путем их исполнения, соблюдения и использования. Если исходить из указанного понимания, то до внесения в 2017 г. изменения в п. 1 ст. 83 Конституции предметом прокурорского надзора в области гражданского судопроизводства являлась правоприменительная деятельность суда – законность и обоснованность судебных актов. В этом смысле надзорные полномочия казахстанской прокуратуры были близки, по сути, с задачами прокуратуры, созданной в 1722 году, по обеспечению законности в деятельности государственных органов.

С принятием в 2017 году поправок в Конституцию предметом прокурорского надзора является соблюдение законности на территории Казахстана. Соблюдение законности – это соответствие поведения

любого субъекта нормам права. Общеизвестно, что соблюдение права представляет собой универсальную форму реализации права, что его краеугольную основу составляет строгое и неуклонное следование праву. В юридической науке отмечается, что соблюдение правовых норм лежит в основе иных форм реализации права [22; с. 111]. При таком понимании соблюдения можно сделать вывод, что прокурорский надзор в области гражданского процесса распространяется не только на деятельность судов по вынесению судебных актов, но и на деятельность всех участников судопроизводства (лиц, участвующих в деле, их представителей, и иных лиц, участвующих в рассмотрении дела).

В то же время Конституция «отдала на откуп» отраслевому закону установление пределов и форм прокурорского надзора, что повлекло за собой внесение изменений и дополнений в ГПК [23]. Ч. 1 ст. 54 ГПК была изменена и теперь предусматривает, что высший надзор за законностью судебных актов, вступивших в законную силу, по гражданским делам от имени государства осуществляется Генеральным Прокурором РК как непосредственно, так и через подчиненных ему прокуроров. Из этой гражданско-процессуальной нормы следует, что надзор допускается лишь за законностью вступивших в законную силу судебных актов. Однако данной норме общих положений ГПК противоречат нормы, регулирующие порядок производства в суде апелляционной инстанции. Так, согласно ч. 3 ст. 401 ГПК право на принятие апелляционного ходатайства принадлежит не только прокурору, участвовавшему в рассмотрении дела, но и ряду должностных лиц органов прокуратуры независимо от участия в рассмотрении дела. К ним относятся Генеральный Прокурор РК и его заместители, прокуроры

³ В рамках данной статьи не ставится задача исследовать теоретические аспекты реализации права, поэтому за исходную позицию берется сложившееся выделение четырех форм реализации права: соблюдение, использование, исполнение и применение.

областей и приравненные к ним прокурорам и их заместители, прокуроры районов и приравненные к ним прокуроры и их заместители. Названные прокуроры вправе принести апелляционное ходатайство в пределах своей компетенции. На практике применяются именно нормы особенной части ГПК.

Необходимо также учесть, что ГПК по существу сохранил прежний подход к регулированию оснований вступления прокурора в процесс для дачи заключения по делу и подачи в суд иска в защиту «чужих» прав, несмотря на изменение законодательных формулировок. При этом новые формулировки не придали конкретики гражданским процессуальным нормам. Основания участия прокурора в гражданском судопроизводстве содержат оценочные категории – «общественные интересы», «необратимые последствия для жизни, здоровья людей либо безопасности Республики», которые могут трактоваться по-разному (от ограничительно до расширительного толкования, от узкого до широкого их понимания), в то же время отсутствуют разъяснения Высшего судебного органа по их применению судами при рассмотрении гражданских дел⁴. Ч. 2 ст. 54 ГПК предусматривает, что прокурор вправе вступить в процесс для дачи заключения по делу в целях осуществления обязанностей, предусмотренных ГПК.

⁴ Следует отметить, что понимание необратимых последствий для жизни, здоровья людей либо безопасности Республики дано в Правилах назначения и проведения органами прокуратуры проверок соблюдения законности, анализа состояния законности, а также осуществления оценки актов, вступивших в силу, утвержденных приказом Генерального Прокурора РК от 17 января 2023 г. № 32 «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора». П. 7 данных Правил предусматривает, что под «необратимыми последствиями для жизни, здоровья людей либо безопасности Республики Казахстан понимаются принятие правового акта либо совершение действия (бездействие), если они причинили либо могут причинить вред здоровью, жизни человека и гражданина, повлекли или могут повлечь угрозу национальной безопасности (общественной, военной, политической, экономической, информационной, экологической)». При этом виды национальной безопасности перечислены в соответствии со ст. 4 Закона РК от 6 января 2012 г. «О национальной безопасности Республики Казахстан» (<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z120000527>) (дата обращения: 17.05.2023).

Однако здесь же ГПК устанавливает, что участие прокурора в гражданском судопроизводстве обязательно по делам, (1) затрагивающим интересы государства, (2) требующим защиты общественных интересов, (3) требующим защиты прав и законных интересов граждан, которые самостоятельно не могут себя защищать, (4) когда необходимость участия прокурора признана судом. В соответствии с ч. 3 ст. 54 прокурор вправе обратиться с иском, заявлением в суд для восстановления нарушенных прав и защиты интересов (1) лиц, которые в силу физических, психических и иных обстоятельств не могут самостоятельно осуществлять их защиту; (2) неограниченного круга лиц; 3) лиц, общества и государства, если это необходимо для предотвращения необратимых последствий для жизни, здоровья людей либо безопасности Республики Казахстан.

Принятый 30 июня 2017 г. Закон РК «О прокуратуре» [24] (далее – Закон о прокуратуре 2017 г.) также не позволял однозначно очертить пределы прокурорского надзора в гражданском процессе, о чем свидетельствует содержание ряда его статей. Так, ст. 4 предусматривала, что прокуратура в пределах, установленных законом, осуществляет следующие задачи: (1) защиту и восстановление прав и свобод человека и гражданина, законных интересов юридических лиц, общества и государства; (2) выявление и устранение нарушений законности, причин и условий, им способствующих, а также их последствий. Ст. 5 устанавливала, что прокуратура осуществляет высший надзор за законностью судебных актов, вступивших в законную силу. Однако основные направления прокурорского надзора не были перечислены в указанной статье в исчерпывающем виде. В подп. б) ст. 5 было указано об иных направлениях, определяемых зако-

ном. Не отличалась конкретикой и ст. 6 Закона о прокуратуре 2017 г., именуемая «Предмет, формы и пределы надзора». В пунктах 1 и 2 данной статьи указывалось, что (1) прокуратура осуществляет надзор за законностью актов, действий (бездействия) государственных, местных представительных и исполнительных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, а в исключительных случаях, по поручению Президента Республики Казахстан или Генерального Прокурора, – иных организаций независимо от формы собственности; (2) надзор осуществляется путем проведения проверок и анализа состояния законности, а также оценки актов, вступивших в силу.

Важно подчеркнуть, что вступившие в законную силу судебные акты являются итоговым отражением всей деятельности суда по рассмотрению и разрешению гражданских дел. Из этого можно заключить, что фактически под надзор прокуратуры подпадала в целом деятельность судов всех инстанций по отправлению правосудия по гражданским делам. Такой вывод подкрепляется положениями Закона о прокуратуре 2017 г. о том, что, во-первых, прокурор в соответствии со своей компетенцией вправе: (а) по вопросам проведения анализа состояния законности, оценки актов, вступивших в силу, вызывать должностных лиц для получения объяснений (подп. 7) ст. 44); (б) в установленном законодательством порядке получать доступ к информации и материалам, связанным с проведением анализа состояния законности, оценки актов, вступивших в силу (подп. 10) ст. 44); во-вторых, по требованию прокурора органы должностные лица обязаны предоставить необходимую информацию, документы и иные материалы по вопросам анализа состояния законности, оценки актов, вступивших в силу

(подп. 1) п. 2 ст. 45), при этом данные требования обязательны для исполнения органами и должностными лицами (п. 3 ст. 45).

Изложенное показывает, что прокурорский надзор в гражданском судопроизводстве рассматриваемого периода во многом сходен с высшим надзором прокуратуры советского периода, за исключением обусловленных новым временем нюансов.

Полномочия прокурора после конституционной реформы 2022 года. Изменения и дополнения, внесенные в Конституцию в 2022 г. [25], были продиктованы потребностью общества в реализации идей справедливости и установления законности. «Конституционная реформа ознаменовала собой начало новой эпохи в истории Казахстана. <...> Отныне будут строго соблюдаться принципы справедливости, прозрачности и солидарности», – отметил Президент страны К.К. Токаев, публично подписав ряд законов, принятых по итогам состоявшегося в июне прошлого года республиканского референдума о внесении изменений и дополнений в Конституцию [26].

Основные направления конституционной реформы были обозначены Главой государства в Послании народу Казахстана от 16 марта 2022 г. «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации», где он подчеркнул, что выдвинутые «инициативы станут важным шагом в построении справедливого и правового государства, институционально усилят систему сдержек и противовесов, защиту конституционных прав граждан» [27]. Сквозь призму указанного усилены и расширены конституционные основы деятельности прокуратуры. Во-первых, в целях усиления роли прокуратуры в системе правоохранительных механизмов Конституция на-

делила Генерального Прокурора правом на обращение в Конституционный Суд по следующим вопросам: (1) о соответствии Конституции международных договоров Республики до их ратификации; (2) о даче официального толкования норм Конституции; (3) о соответствии Конституции нормативных правовых актов (п. 4 ст. 72). Во-вторых, для четкого обозначения на конституционном уровне самостоятельности прокуратуры в структуре государственных органов раздел VII Конституции, именуемый «Суды и правосудие», который включает нормы о прокуратуре, сейчас озаглавлен по-новому – «Суды и правосудие. Прокуратура. Уполномоченный по правам человека». В-третьих, в целях достижения законности обновленная Конституция установила, что компетенция, организация и порядок деятельности прокуратуры Республики определяются конституционным законом (п. 4 ст. 83). Во исполнение конституционных положений 5 ноября 2022 г. принят Конституционный закон РК «О прокуратуре» (далее – КЗ о прокуратуре) [28], предусматривающий три формы высшего надзора: проведение проверки соблюдения законности; анализ состояния законности; оценку актов, вступивших в силу (п. 1 ст. 17). Это означает, что осуществляемый прокуратурой высший надзор обеспечивается актом, имеющим статус конституционного закона, который по иерархии нормативных правовых актов имеет большую юридическую силу по сравнению с кодексами, включая ГПК РК (п. 2 ст. 10 Закона РК от 6 апреля 2016 г. «О правовых актах») [29].

Важно при этом подчеркнуть, что в отличие ранее действовавшего Закона о прокуратуре 2017 г. действующий КЗ о прокуратуре определяет компетенцию органов прокуратуры по осуществлению высшего надзора за законностью в исчерпываю-

щем виде (подп. 1) ст. 6). Из содержания норм КЗ о прокуратуре следует, что пределы высшего надзора в области гражданского судопроизводства ограничиваются оценкой вступивших в законную силу судебных актов по гражданским делам (гл. 3), при этом их оценка осуществляется в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством (п. 2 ст. 21).

Инструменты надзора, предусмотренные КЗ о прокуратуре, подлежат отражению в ГПК РК⁵, но с обязательным соблюдением норм, содержащихся в п. 1 ст. 83 Конституции (прокуратура осуществляет высший надзор за соблюдением законности в установленных законом пределах и формах; представляет интересы государства в суде), а также с учетом сущности гражданского судопроизводства и его принципов (независимости суда и судьи, состязательности и диспозитивности).

ГПК РК определяет порядок рассмотрения и разрешения судом споров о праве, возникающих из отношений частного правового характера. Согласно ГК РК [30] граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права, а также отказываются, если иное не установлено законодательными актами, от прав своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых его условий, не противоречащих законодательству (п. 2 ст. 2). Граждане и юридические лица по

⁵ 5 ноября 2022 г. был принят Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам реализации Послания Главы государства от 16 марта 2022 года» (https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39780689) (дата обращения: 16.05.2023), однако в нем содержатся поправки в ГПК технического характера. Существенные поправки в ГПК были внесены Законом РК от 27 марта 2023 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования процессуального законодательства и реформирования судебной системы» (<https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000216>) (дата обращения: 16.05.2023), но они не касаются прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве.

своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им гражданскими правами, в том числе правом на их защиту (п. 1 ст. 8 ГК РК). Это означает, что вмешательство прокуратуры во взаимоотношения «автономных» субъектов допустимо лишь при определенных условиях для оказания им содействия в осуществлении прав и законных интересов⁶. Следовательно, прокурор должен наделяться объемом гражданско-процессуальных прав и обязанностей в пределах, ограничиваемых диспозитивными полномочиями субъектов гражданского права, являющихся сторонами в деле. Содержание отечественного материального права предопределяет соответствующую ему гражданско-процессуальную форму. Указанная взаимосвязь материального и процессуального права должна быть определяющей при решении вопроса о полномочиях прокурора в гражданском процессе. Представляется, что прокурор должен обладать полномочиями лишь (1) для оказания содействия гражданам в реализации их субъективных прав в случаях, если они сами не в состоянии их осуществить, (2) для защиты прав неопределенного круга лиц и (3) интересов государства. Таким образом, прокурорский надзор должен быть сосредоточен на указанных трех случаях, что позволит усилить правоохранительные механизмы именно в необходимых для государства аспектах и придаст эффект деятельности органов прокуратуры для общества, исключив аморфность и распыленность их усилий. В этой связи требуется пересмотреть соответствующие нормы ГПК.

Во-первых, исключить из абзаца второго ч. 2 ст. 54 ГПК нормы об обязатель-

ности участия прокурора в гражданском судопроизводстве для дачи заключения по делу в случаях, когда требуется защита общественных интересов. Понятие «общественные интересы» является обширным и охватывает собой практически все сферы жизнедеятельности общества. Думается, что следует ограничиться правом прокурора на дачу заключения по гражданскому делу лишь в защиту интересов государства. При этом следует подчеркнуть, что под защитой интересов государства подразумеваются случаи, когда речь идет о действиях, противоречащих государственному устоям и нравственным принципам, признанным на государственном уровне.

Во-вторых, исключить из подпункта 3) ч. 3 ст. 54 ГПК нормы о праве прокурора обращаться в суд с иском для защиты прав и интересов лиц и общества. Данное предложение основано на том, что ГПК предусматривает возможность подачи иска прокурором для защиты прав и интересов лиц, которые в силу физических, психических и иных обстоятельств не могут самостоятельно осуществлять их защиту (подп.1) ч. 3 ст. 54), а также неограниченного круга лиц (подп.2) ч. 3 ст. 54). При этом ГПК не указывает, какие именно права и интересы неопределенного круга лиц могут быть защищены посредством предъявления прокурором иска в суд, поэтому данные гражданско-процессуальные нормы подлежат расширительному толкованию. Сюда могут быть отнесены необходимость предотвращения необратимых последствий для жизни и здоровья людей и другие обстоятельства. В связи с указанным предлагается подп. 3) п. 3 ст. 54 ГПК изложить в следующей редакции: «3) государства, если это необходимо для предотвращения необратимых последствий для безопасности Республики Казахстан».

В-третьих, исключить из ч. 3 ст. 401

⁶ На наш взгляд, в научной литературе обоснованно указывается, что ведущим направлением деятельности прокуратуры должна быть борьба с преступностью (см.: Савицкий В.М. Организация судебной власти в Российской Федерации: Учебное пособие для вузов. – М.: БЕК, 1996. – С. 54-63).

ГПК нормы о праве прокурора, не принимавшего участие в рассмотрении дела судом первой инстанции, на принесение апелляции ходатайства. Данное предложение обусловлено необходимостью приведения ч. 3 ст. 401 ГПК в соответствие с ч. 1 ст. 54 ГПК, согласно которому прокуратура осуществляет высший надзор за законностью только судебных актов, вступивших в законную силу. Указанные нормы ст. 54 ГПК основаны на конституционных нормах, устанавливающих, что прокуратура от имени государства осуществляет в установленных законом пределах и формах высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан. Кроме того, эти гражданско-процессуальные нормы соответствуют положениям КЗ о прокуратуре, устанавливающим осуществление высшего надзора лишь за законностью судебных актов, вступивших в законную силу.

В-четвертых, конкретизировать основания (1) истребования из суда гражданских дел, по которым состоявшиеся судебные акты вступили в законную силу, и (2) случаи, когда возможно опротестование прокурором вступивших в законную силу актов. Представляется, что они не должны отличаться от оснований вступления прокурора в гражданский процесс для дачи заключения по делу и случаев, когда прокурору предоставляется право на предъявление иска в суд для защиты «чужих» прав и интересов, а также интересов государства.

Список использованных источников

1. Указ Петра I от 12 января 1722 года «О должности Генерал-прокурора» <https://rg.ru/2022/01/12/12-ianvaria-1722-goda-ukazom-petra-i-uchrezhdena-rossijskaia-prokuratura.html> (дата обращения: 04.05.2023 г.).
2. Ковалев А. А. Участие прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами в Российской Федерации: автореф. дис. ... к.ю.н. – Екатеринбург, 2004. – 25 с.

Гражданские дела истребуются для изучения законности и обоснованности судебных актов, вступивших в законную силу, и при установлении неправильности судебного акта прокурор приносит протест. Право же на опротестование судебного акта и право на предъявление иска тесно между собой взаимосвязаны: первое из них является последующим по отношению к другой. Если предполагать, что прокурор вправе опротестовывать любые вступившие в законную силу судебные акты, то логически прокурор должен был бы обладать правом инициировать возбуждение гражданских дел при любом гражданском правонарушении. Однако прокурор вправе предъявить иск в защиту «чужие» прав и интересов лишь в случаях, установленных ГПК РК. Закон также определяет основания, при наличии которых прокурор может вступить в начатый процесс для дачи заключения по делу. Из указанного следует, что ГПК РК должен предусматривать возможность опротестования прокурором вступивших в законную силу судебных актов по гражданским делам лишь при определенных условиях, ограничиваемых принципом диспозитивности, автономией воли сторон частных правовых отношений.

Таким образом, истребование гражданского дела должно проистекать из права прокурора на опротестование судебного акта, вступившего в законную силу, объем которого зависит от оснований участия прокурора в суде первой инстанции.

3. Градовский А. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. – Спб., 1866. – 284 с.
4. Куликова Г.Л. Прокуратура в условиях действия Судебной реформы 1864 года // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2 (7). – С. 251-255.
5. Басков В.И. Прокурорский надзор. Учебник 2-ое изд, испр. и доп. – М.: БЕК, 1996. – 558 с.
6. Шульженко Ю.Л. Конституционный статус прокуратуры Российской Федерации. – М.: ИГПАН, 1999. – 42 с.
7. Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // http://www.hist.msu.ru/ER/etext/DEKRET/o_sude1.htm (дата обращения: 04.05.2023 г.).
8. Положение о прокурорском надзоре, утвержденное постановлением ВЦИК от 28 мая 1922 г. // <http://museumreforms.ru/node/13809> (дата обращения: 04.05.2023).
9. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/10_grazhd_kodeks (дата обращения: 04.05.2023 г.).
10. Положение о Верховном Суде СССР и прокуратуре Верховного Суда СССР, утв. постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 24 июля 1929 года // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=26174#nkfxGdTU5L6dzb5r> (дата обращения: 04.05.2023 г.).
11. Конституция Казахской ССР от 26 марта 1937 г. // <https://www.verfassungen.net/su/vergleiche-stalinverfassungen.htm> (дата обращения: 10.05.2023 г.).
12. Конституция Казахской ССР от 20 апреля 1978 г. // https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%A1%D0%A1%D0%A0_1978_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0 (дата обращения: 11.05.2023 г.).
13. Гражданский процессуальный кодекс Казахской ССР от 28 декабря 1963 г. https://adilet.zan.kz/rus/docs/K630002000_ (дата обращения: 12.05.2023 г.).
14. Закон Республики Казахстан от 17 января 1992 года «О Прокуратуре Республики Казахстан» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000955 (дата обращения: 12.05.2023 г.) // Утратил силу с принятием Указа Президента РК, имеющего силу Закона, от 21 декабря 1995 г. «О Прокуратуре Республики Казахстан».
15. Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 г. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000_ (дата обращения: 12.05.2023).
16. Государственная программа правовой реформы в Республике Казахстан, утв. постановлением Президента Республики Казахстан от 12 февраля 1994 г. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001569_
17. Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 30 августа 1995 года // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 12.05.2023).
18. Закон Республики Казахстан «О Прокуратуре» от 21 декабря 1995 г. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000081> (дата обращения: 13.05.2023).
19. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000411_ (дата обращения: 15.05.2023).
20. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377> (дата обращения: 15.05.2023).

21. Закон Республики Казахстан от 10 марта 2017 года № 51-VI «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000051> (дата обращения: 15.05.2023).

22. Пискунова О.В. Формы реализации права: дискуссионные вопросы общетеоретической трактовки // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 3. – С. 110-113.

23. Закон Республики Казахстан от 11 июля 2017 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам их приведения в соответствие с нормами Конституции Республики Казахстан» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39427968&pos=1339;-44#pos=1339;-44 (дата обращения: 15.05.2023).

24. Закон Республики Казахстан «О прокуратуре» от 30 июня 2017 г. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000081> (дата обращения: 17.05.2023).

25. Закон Республики Казахстан от 8 июня 2022 года «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» (принят на республиканском референдуме 5 июня 2022 года). // «Егемен Қазақстан» от 08.06.2022 г., № 107 (30336), «Казахстанская правда» от 08.06.2022 г., № 107 (29734); <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z220000001K> (дата обращения: 15.05.2023).

26. Президент публично подписал ряд законов (05.11.2022) // <https://www.akorda.kz/ru/prezident-publichno-podpisal-ryad-zakonov-5104524> (дата обращения: 16.05.2023).

27. Послание Президента Республики Казахстан К.К. Токаева народу Казахстана от 16 марта 2022 г. «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» // <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 16.05.2023).

28. Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 г. «О прокуратуре» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000155> (дата обращения: 16.05.2023).

29. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. «О правовых актах» // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480> (дата обращения: 16.05.2023).

30. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 17.05.2023)

УДК 347.962.311

СУЛТАНОВ Руслан Рамазанович

Заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясының азаматтық-құқықтық пәндер орталығының доценті

АЗАМАТТЫҚ ДАУЛАРДЫ ҚАРАУ КЕЗІНДЕГІ СОТТАР ҚЫЗМЕТІНІҢ АДАМГЕРШІЛІК НЕГІЗДЕРІ

Аннотация. Қазіргі уақытта азаматтық процесінің жарыспалық бастамаларын кеңейту және тараптардың тең құқығын сот процесіне қатысушылардың этикалық нормаларды сақтамай қамтамасыз ету мүмкін емес. Соттардың құқықтық жауапкершілік, әділдік және адалдық қағидаттарын қолдану практикасын кеңейту қажет. Судьялардың кәсіби дамуын арттыру шеңберінде адамның құқықтары мен бостандықтары ең жоғары құндылық болып табылатын және сонымен бірге заңдылық қағидатымен шектелмейтін «гуманитарлық құзыреттілікті» дамыту арқылы олардың жеке қасиеттерін дамытуға көп көңіл бөлу қажет.

Түйін сөздер: адамгершілік, сот төрелігі, сот этикасы.

СУЛТАНОВ Руслан Рамазанович

Кандидат юридических наук, доцент Центра гражданско-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан

ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ СПОРОВ

Аннотация. В настоящее время расширение состязательных начал гражданского процесса и равноправие сторон нельзя обеспечить без соблюдения участниками судебного процесса этических норм. Необходимо расширять практику применения судами принципов правовой ответственности, справедливости и добросовестности. В рамках повышения профессионального развития судей необходимо уделять большое внимание развитию их личностных качеств посредством развития «гуманитарной компетентности», в которой права и свободы человека являются высшей ценностью и в то же время не ограничиваются принципом законности.

Ключевые слова: нравственность, правосудие, судебная этика.

SULTANOV Ruslan Ramazanovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Center of Civil Law Disciplines of the Academy of Justice at the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan

THE MORAL FOUNDATIONS OF THE ACTIVITY OF COURTS IN THE CONSIDERATION OF CIVIL DISPUTES

Abstract. Currently, the expansion of the adversarial principles of civil procedure and the equality of the parties cannot be ensured without the participants in the trial observing ethical standards. It is necessary to expand the practice of applying the principles of legal responsibility, fairness and good faith by courts. Within the framework of improving the professional devel-

opment of judges, it is necessary to pay great attention to the development of personal qualities through the development of “humanitarian competence”, according to which human rights and freedoms are the highest value and at the same time not limited to the principle of legality.

Keywords: *morality, justice, judicial ethics.*

Гражданское судопроизводство является одной из форм осуществления правосудия в Республике Казахстан. В последнее время все реформы судебной системы были направлены на приведение гражданского судопроизводства в соответствие с международными принципами, закрепленными во Всеобщей декларации прав человека 1948 года и Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года.

В глазах общества судебная власть должна олицетворять справедливость, выступать институтом, призванным сохранять в нем гармоничные отношения между его членами и разрешать конфликты. В свою очередь, авторитет судебной власти, прежде всего, зависит от личности судьи, его профессионализма, подготовки и способности разрешать спор не нанося никому вреда, защищая интересы общества, граждан и юридических лиц.

По мнению З.Х. Баймолдиной, гражданское судопроизводство содержательно должно отвечать истинному значению правосудия, соответствовать критерию справедливости [1]. В связи с чем, граждане, попавшие в сферу судопроизводства, в первую очередь оценивают происходящее в суде через призму личных качеств судьи, этической и нравственной составляющей его поведения, иногда оставляя на второй план такие важные категории как право и закон. Любые сомнения в поведении судьи, которые усмотрит одна из сторон судебного процесса, могут поколебать не только веру в объективность конкретного судебного решения, но и поставить под сомнение работу всей судебной системы.

Необходимо понять, что правосудие

не должно опираться только на право, но и должно быть наполнено нравственным содержанием, без которого достичь справедливого решения невозможно. Поэтому, в современном обществе судья должен обладать высокой нравственной культурой и независимостью для вынесения справедливого решения. При этом, в основе судебской независимости должны лежать не только определенные гарантии, подкрепляемые правовой нормой и контролем со стороны государства за ее исполнением. Немаловажную роль должны играть правовые и нравственные убеждения судьи, приведенные в систему и образующие определенную мировоззренческую картину. При этом профессиональный долг судьи должен соотноситься с его человеческим долгом и совестью.

Необходимо отметить, что нравственные аспекты практической деятельности судьи весьма богаты по своему содержанию и сложны по структуре. Можно выделить объективный и субъективный фактор в процессе принятия судьей законного, обоснованного и справедливого решения. К объективным условиям относятся соблюдение судьями принципов гражданского судопроизводства закрепленных в Главе 2 гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – ГПК) и правил проведения судебных заседаний. К субъективным условиям можно отнести профессиональные знания и нравственные качества судьи, выраженные в отношении к своей работе и взаимоотношениях судей с лицами, имеющими то или иное отношение к делу, рассматриваемому в судебном заседании.

В этой связи становится понятной важность требований к субъективным качествам, которыми должны обладать судьи. При рассмотрении гражданского спора главную роль должна играть совесть судьи, оценивающего доказательства по внутреннему убеждению. Также, в этой деятельности должны применяться лучшие нравственные качества судьи: понимание социального значения принимаемого решения и повышенное чувство собственного долга, объективность, беспристрастность, справедливость, честность, гуманность, принципиальность.

Акцентирование внимания на нравственных качествах при принятии решений определяется тем, что этот процесс представляет собой творческую, интеллектуально-волевою деятельность лиц, наделённых полномочиями на решение спора. Не зря, законодатель наделил судью правом оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на беспристрастном, всестороннем и полном рассмотрении имеющихся в деле доказательств в их совокупности, руководствуясь при этом законом и совестью (п. 1 ст. 16 ГПК).

Поэтому важны не только высокий уровень профессиональной подготовки лиц наделённых правом принимать решения, но и обеспечение независимости и высокие нравственные и психологические качества, предъявляемые к ним.

Для достижения данных целей, считаем необходимым продолжить работу по переходу к активной роли суда в гражданском процессе с использованием принципов права. Исходя из опыта реформирования судебной системы, можно сказать, что предприняты не все меры по обеспечению судов реальной автономией. Судье должна быть предоставлена возможность выносить справедливые решения, не оглядываясь по сторонам.

В середине XX века в США получила расцвет концепция «судебного активизма» (judicial activism), согласно которой судьи должны принимать самое активное участие в толковании законов и судебном правотворчестве. Несмотря на тот факт, что Казахстан и США – страны, относящиеся к разным правовым семьям, и далеко не весь позитивный американский опыт следует пытаться в адаптированном виде применять в наших условиях, тем не менее, ряд моментов заслуживает пристального внимания.

Так, Верховным Судом Республики Казахстан в 2022 году были предложены 24 шага по реформированию судебной системы. В шаге №11 предусмотрено предоставление возможности судьям в сфере гражданского судопроизводства выносить решения на основе принципов права. По мнению инициаторов, установление приоритета принципов права над нормами права позволит отойти от существующего «нормативистского» подхода в казахстанском праве и позволит судье принимать решение вопреки норме закона (либо в условиях ее отсутствия), если она противоречит принципам справедливости и разумности, а также иным принципам, установленным в отрасли права (закона).

В настоящее время многие ученые и практики поддерживают такой подход, считают, что он позволит повысить автономию судей и будет способствовать вынесению судьями решений на основе принципов права.

Хотя есть ученые не согласные с этим утверждением, считающие, что независимо от того, будет ли закреплено указание о приоритете принципов права над нормами законов, приоритет принципов права будет существовать объективно. А раз так, то даже сейчас нет никаких препятствий для того, чтобы суды при вынесении решений

брали за основу принципы права, и не только в случаях отсутствия регулирования или если норма закона противоречит принципам права [2].

В свою очередь хотелось бы выразить поддержку второй позиции, и отметить, что отсутствие прямого указания в гражданском процессуальном кодексе приоритета принципов права над нормами закона не может отменить этого правила. Можно согласиться с мнением Г.О. Аболониным утверждающим, что: «Независимость судей и подчинение их только закону хороши тогда, когда судьи по соображениям морали являются людьми честными и порядочными или когда они отдают себе отчет в том, что отступление от принципов закона, может повлечь для них отстранение от занимаемой должности и уголовную ответственность. Когда моральные устои судей оставляют желать лучшего, а санкции для них недостижимы, несмотря ни на какие обращения в квалификационные коллегии, вопрос о соблюдении принципа верховенства права становится личным делом каждого по аналогии с вопросом соблюдения православного поста» [3].

Аналогичная ситуация обстоит и с общими началами справедливости гражданско-процессуального законодательства. Так, есть мнение, согласно которому категория справедливости заслуживает закрепления в ГПК РК в качестве самостоятельной нормы [4].

По нашему мнению, справедливость должна пронизывать и обуславливать действие практически всех гражданско-процессуальных норм, исходя из чего ее можно считать не просто принципом гражданского процессуального права, но и основным началом гражданского процессуального законодательства. Основной целью системы гражданского процессуального законодательства должно быть справедливое

удовлетворение разумных потребностей всех субъектов-участников гражданского процесса. В связи с чем, указание в статье 4 ГПК, в качестве задач гражданского судопроизводства необходимости обеспечения справедливого рассмотрения и разрешения является достаточным и подтверждает отнесение законодателем справедливости именно к началам гражданского процессуального законодательства. Кроме того, в требованиях, предъявляемых к судьям (пп. 2 п.1 ст. 28 конституционного закона РК «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан»), судья обязан при выполнении своих конституционных обязанностей избегать всего, что могло бы вызвать сомнения в его справедливости.

Так как большинство из указанных принципов и начал в действительности основывается на нормах морали, то фактически суд может принять решение на основе общих моральных установок, а также на основе своего собственного правосознания. Что фактически означает возможность суда в исключительных случаях вырабатывать свои нормы и правила, на которые ввиду обязательности единообразия в судебной практике смогут впоследствии опереться другие суды при рассмотрении схожих дел.

Конечно, не должны оставаться без внимания меры, которые позволят изменить к лучшему ситуацию с вынесением правосудных решений. Но приведут ли к кардинальным изменениям простое юридическое декларирование принципов справедливости и приоритета права в гражданском процессуальном законодательстве без создания надлежащих правовых и социальных гарантий. Справятся ли судьи с таким грузом ответственности, не приведёт ли это к злоупотреблениям при вынесении решений. Ведь такие изменения предъявляют большие требования к личности судьи, к его уровню знаний, компетенции и нравствен-

ным качествам. Для несения такого бремени, судья сам должен служить достойным образцом поведения, всеми своими действиями должен защищать нравственные ценности и идеалы.

В рамках действующего законодательства содержатся требования, предъявляемые к самим судьям и к их поведению как при отправлении ими правосудия, так и вне службы. Так, требования к моральным качествам судьи содержатся в Конституционном законе РК «О судебной системе и статусе судей» (далее – Закон). В соответствии с пунктом 2 статьи 28 вышеуказанного закона, судья обязан при выполнении своих конституционных обязанностей по отправлению правосудия, а также во внеслужебных отношениях, соблюдать требования судейской этики и избегать всего, что могло бы опорочить авторитет, достоинство судьи или вызвать сомнения в его честности, справедливости, объективности и беспристрастности.

Специальные этические требования к личным качествам судьи предъявляет и действующий Кодекс судейской этики (далее – Кодекс), утвержденный VII съездом судей Республики Казахстан 21 ноября 2016 г. Согласно статьи 1 Кодекса «Судья должен быть верным своей присяге, неукоснительно соблюдать нормы этики, не допускать проявлений некорректного поведения при осуществлении любых действий, в общественной деятельности и в быту, чтобы его поступки соответствовали высокому статусу должности судьи».

К сожалению, декларирование в различных документах необходимости соответствия моральным качествам не означает и не гарантирует их соблюдения. Количество обращений и жалоб с критикой судебной власти и отдельных судей из года в год не сокращается.

Кодекс судейской этики 2016 г. структур-

но выстроен в соответствии с Бангалорскими принципами (Гаага, 26.11.2002 г.), основанными на том, что доверие общества к судебной системе и её авторитету в вопросах морали, честности и неподкупности суда приоритетно для современного демократического общества. В то же время, Бангалорские принципы исходят из понимания судьями оказанного им обществом доверия и прилагают все усилия для поддержания и дальнейшего развития доверия к судебной системе.

Особенность адаптации Бангалорских принципов и правил поведения судей в Казахстане заключается лишь в копировании с незначительными изменениями этических требований предъявляемых для действующих судей и судей, пребывающих в отставке. В этом сходство Бангалорских принципов и других международно-правовых актов, связанных с деятельностью судей и Кодекса судейской этики Республики Казахстан заканчивается.

Считаем, что ключевым фактором, направленным на повышение общественного доверия к судам, является продолжение реформ по обеспечению равноправия судей в коллегиальном составе суда, создание такой моральной обстановки, в которой каждый мог бы свободно высказать свое мнение, основанное на внутреннем убеждении.

Нельзя забывать, что требования к высокой нравственности судей невозможны без создания надлежащих условий и оздоровления всей государственной системы. Судебная власть не существует сама по себе, а является частью государственного механизма и одной из ветвей власти. Только здоровая нравственная атмосфера в законодательной и исполнительной ветвях власти может обеспечить высокие нравственные стандарты в судебной сфере. Вынесение справедливых судебных решений невозможны без создания качественных

законов в совокупности с надлежащим их исполнением.

Обобщая изложенные суждения, представляется значимым констатировать о необходимости дальнейшего реформирования всей судебной системы.

По примеру ведущих европейских стран и США необходимо изменить существующую в Казахстане практику по назначению судей, с включением принципа общественного контроля судебной системы. В настоящее время, общество никак не может воздействовать на качественный состав судейского корпуса, в связи с этим отсутствует доверие и взаимосвязь между судебной системой и обществом. В связи с чем, нужно продолжить разработку и внедрение практики влияния общественного мнения на карьеру судьи и состав суда.

Существующая практика закрытой судебной системы изживает себя. Расширение границ общения посредством интернета и социальных сетей не может оставить без внимания судебную сферу. Необходимо продолжить работу по внедрению прозрачных и эффективных методов изучения жалоб граждан на поведение судей.

Не зря, Конституция США гласит: «Судьи как Верховного, так и нижестоящих судов занимают свои должности, пока ведут себя безупречно». Целью этого положения Конституции, равно как и положения о недопустимости уменьшения вознаграждения судей в период их пребывания в должности, является защита судей от капризов представителей законодательной и исполнительной ветвей власти. Федеральные судьи назначаются президентом с одобрения Сената, и их можно отстранить от занимаемой должности только путем импичмента [5].

В свете вышесказанного считаем необходимым продолжить работу по разъяснению судьям, что судейская этика это не пра-

во, а нравственная обязанность судьи, которая должна исключить чисто формальный подход к рассмотрению любой спорной ситуации. Судейская этика должна включать в себя такое обязательное и серьезное нравственное условие, как необходимость думать о других, пытаться понять происходящее с другим человеком, проникнуть в суть проблемы, тщательно взвесить, определиться в правовой позиции.

Проводимые в Казахстане судебные реформы должны акцентировать внимание на решении новых задач. Так, в рамках повышения профессионального развития судей, необходимо большое внимание уделять развитию личностных качеств путем развития «гуманитарной компетентности», согласно которой права и свободы человека являются высшей ценностью и при этом не ограничиваться принципом законности. Основой гуманитарной компетентности должно выступать уважительное взаимодействие с другими людьми и самим собой. Основой этого вида компетентности является ценность человека. Понимание гуманитарной компетентности судьи может быть распространено в качестве требования, критерия и по отношению ко всем субъектам процесса, наделённым правом совершать действия и принимать решения в гражданском судопроизводстве.

На наш взгляд, доверие и уважительное отношение к судебной системе и судам должно быть результатом слаженного взаимодействия между судом и обществом. При этом, основным критерием определяющим уровень доверия к судам прежде всего должен быть результат оценки гражданами работы судов. Граждане испытывают больше уважения к судам, когда осознают, что могут внести свой вклад в их работу. Только путем расширения участия общественности можно воздействовать на качество судебной системы.

Список использованных источников

1. Баймолдина З.Х. Правосудие как категория, определяющая содержание гражданского судопроизводства. Вестник права Республики Казахстан ZANGER. №4 (261) 2023 г. 38 с.

2. Калдыбаев А. Принципы права и их применение судами. Электронный ресурс. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33356505&pos=6;-109#pos=6;-109

3. Аболонин Г.О. Недобросовестные иски как средство злоупотребления правом // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. С.-Петербург. 2004. N 3. С. 55 - 75.

4. Конусова В.Т. Категория справедливости в гражданском процессуальном законодательстве Республики Казахстан. Электронный ресурс. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39010668&pos=51;-43#pos=51;-43).

5. Мишина Е.А. Из американского опыта обеспечения личной независимости судей. Журнал Право в современном мире. Электронный ресурс. Режим доступа: [iz-amerikanskogo-opyta-obespecheniya-lichnoy-nezavisimosti-sudey \(1\).pdf](#)

**ҚЫЛМЫСТЫҚ ҚҰҚЫҚ,
ҚЫЛМЫСТЫҚ-АТҚАРУ ҚҰҚЫҒЫ /
УГОЛОВНОЕ ПРАВО,
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО /
CRIMINAL LAW,
PENAL ENFORCEMENT LAW**

УДК 343.575

НОВИКОВА Екатерина Викторовна

«Беларусь мемлекеттік университетінің судьяларды, прокуратура, соттар және әділет мекемелері қызметкерлерін қайта даярлау және біліктілігін арттыру институты» білім беру мекемесінің сот қызметі кафедрасының меңгерушісі

**БЕЛАРУСЬ РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ ЗАҢЫ
БОЙЫНША ЕСІРТКІНІҢ ЗАҢСЫЗ АЙНАЛЫМЫНА
ҚАТЫСУДЫҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ**

Аннотация. Мақалада Беларусь Республикасы Қылмыстық кодексінің 328-бабында көзделген «адамдар тобы» және «ұйымдасқан топ» біліктілік белгілерін талдау негізінде қылмыс құрамының объективті жағының конструкциясына, сондай-ақ оларды анықтау мен анықтаудың күрделілігіне байланысты оларды кінәлау проблемалары анықталады. Қылмыстық кодекстің Ерекше бөлігінің бабын диспозицияға бір мезгілде қылмыстың дайындалуы мен орындалуын құрайтын әрекеттерді енгізудің орынсыздығы түсіндіріледі. ҚК-нің Ерекше бөлігінің баптарының осындай ресімделуінен туындаған қайшылықты жағдайлар көрсетіледі. Ұйымдасқан топтың сандық, ұйымдық-субъективті және функционалдық белгілерінің мазмұны қатысудың ең қауіпті түрі ретінде ашылады. Соттар есірткінің заңсыз айналымы үшін құрылған ұйымдасқан топтың бар екендігінің дәлелдеріне жатқызатын нақты мән-жайлар зерттеледі. Ұйымдасқан топ, кәмелетке толмаған адамдар жасаған есірткінің заңсыз айналымы үшін қылмыстық жауапкершілікке тарту мәселелеріне ерекше назар аударылады.

Түйін сөздер: есірткі, психотроптық заттар, прекурсорлар, аналогтар, серіктестік, адамдар тобы, ұйымдасқан топ, заңсыз айналым.

НОВИКОВА Екатерина Викторовна

Заведующая кафедрой судебной деятельности Учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»

**ОСОБЕННОСТИ СОУЧАСТИЯ В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ
НАРКОТИКОВ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНУ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Аннотация. В статье на основе анализа квалифицирующих признаков «группа

лиц» и «организованная группа», предусмотренных статьей 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь, выявляются проблемы их вменения, обусловленные конструкцией объективной стороны состава преступления, а также сложностью их выявления и установления. Объясняется нецелесообразность включения в диспозицию статьи Особенной части УК деяний, одновременно образующих приготовление и исполнение преступления. Демонстрируются коллизионные ситуации, вызванные подобным оформлением статей Особенной части УК. Раскрывается содержание количественных, организационно-субъективных и функциональных признаков организованной группы как опаснейшей формы соучастия. Исследуются фактические обстоятельства, относимые судами к доказательствам наличия организованной группы, созданной для незаконного оборота наркотиков. Особое внимание уделяется вопросам привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков, совершаемый организованной группой несовершеннолетних лиц.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, прекурсоры, аналоги, соучастие, группа лиц, организованная группа, незаконный оборот.

NOVIKAVA Katsiaryna

PhD in Law, Associate Professor Head of the Department of judicial work of the Institute for retraining and legal professionals at the Belarusian State University

FEATURES OF COMPLICATION IN ILLEGAL DRUG TRAFFIC UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *Based on the analysis of the qualifying features "a group of persons" and "an organized group" provided for in Article 328 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, the article identifies the problems of their imputation, due to the construction of the objective side of the crime, as well as the complexity of their identification and establishment. It explains the inexpediency of including in the disposition of the article of the Special Part of the Criminal Code acts that simultaneously form the preparation and execution of a crime. Conflict situations are demonstrated, caused by a similar design of the articles of the Special Part of the Criminal Code. The content of quantitative, organizational-subjective and functional features of an organized group as the most dangerous form of complicity is revealed. The actual circumstances attributed by the courts to the evidence of the existence of an organized group created for drug trafficking are investigated. Particular attention is paid to the issues of criminal liability for drug trafficking committed by an organized group of minors.*

Keywords: *Narcotics, psychotropic substances, precursors, analogs, complicity, group of persons, organized group, illegal circulation.*

В Уголовном кодексе Республике Беларусь (далее – УК) предусмотрена ответственность за следующие варианты преступного поведения в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее – наркотиков): незаконные без цели сбыта изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку наркотиков, а также совершение указанных действий с целью сбыта и сам незаконный сбыт (статья 328 УК).

Наибольший удельный вес осужденных среди преступлений против здоровья населения приходится именно на статью 328 УК и составляет более 96 процентов. В Республике Беларусь также криминализованы следующие общественно опасные деяния против здоровья населения, предметом которых выступают наркотики: хищение наркотиков (ст. 327 УК); их незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза и (или) Государственную границу Республики Беларусь (ст. 328.1 УК); их потребление в общественном месте либо появление в общественном месте или нахождение на работе в состоянии, вызванном потреблением наркотиков, а также токсических и иных одурманивающих веществ (ст. 328.2 УК); незаконный посев и (или) выращивание растений либо грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 329 УК); нарушение правил обращения с наркотиками (ст. 330 УК); склонение к потреблению наркотиков (ст. 331 УК); предоставление помещений, организация либо содержание притонов для изготовления, переработки и (или) потребления наркотиков (ст. 332 УК).

Таким образом, в УК представлен широкий спектр антинаркотических статей, пределы криминализации которых расширяются, а санкционное обеспечение характеризуется как весьма жесткое. Несмотря на это, количество осужденных за незаконный оборот наркотиков в стране в последние годы имеет тенденцию к росту. На этом фоне обостряются вопросы правильного понимания и применения соответствующих уголовно-правовых норм. Особую актуальность приобрела проблема вме-

нения квалифицирующих признаков, связанных с групповым совершением преступлений.

Прежде всего, обозначим структуру ст. 328 УК. В данной статье УК предусмотрена ответственность за два самостоятельных состава преступления, сформулированных в частях 1 и 2. Оба состава являются сложными, объективная сторона которых включает ряд самостоятельных альтернативных деяний, образующих незаконный оборот наркотиков. В ч. 1 ст. 328 УК предусмотрена ответственность за незаконные без цели сбыта изготовление, переработку, приобретение, хранение, перевозку или пересылку предмета преступления. Совершение указанных деяний с целью сбыта, а также сам незаконный сбыт образуют объективную сторону состава преступления, сформулированного в ч. 2 ст. 328 УК. Все квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, в том числе и групповое (соисполнительство и организованная группа) совершение преступления, являются таковыми по отношению к ч. 2 ст. 328 УК.

Общеизвестно, что для наличия группы (речь пока не идет об организованной группе) требуется констатация факта соисполнительства в совершении конкретного преступления с участием не менее двух надлежащих субъектов. Как правильно отмечено в литературе, «участие же конкретных соучастников в совершении преступления в качестве соисполнителей должно быть подтверждено фактом совершения ими исполнительских действий, т. е. действий (или их какой-то части), которые выражают объективную сторону совершенного преступления с учетом конструкции и описания объективной стороны данного преступления в статье

Особенной части УК» [1, с.50]. Именно специфика конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 328 УК и порождает проблемы квалификации незаконного оборота наркотиков группой лиц. Указанная специфика заключается в том, что включенные законодателем наряду с незаконным сбытом в качестве самостоятельных деяний незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка, пересылка наркотиков по своему действительному содержанию являются не чем иным как приготовлением к незаконному сбыту, на что указывает их цель («с целью сбыта»). Продемонстрируем к чему приводят подобные конструкции составов преступления и какие коллизионные ситуации порождают при их групповом (и не только) совершении.

Прежде всего подчеркнем, что установление факта соисполнительства для констатации группы лиц при незаконном обороте наркотиков нередко вызывает сложности. Например, два лица решают приобрести наркотик для личного потребления. Наркотик передается в руки одному лицу, а второй участник находится рядом. Или с ведома одного участника второй прячет наркотик в тайник. Будет ли в приведенных примерах соисполнительство в приобретении или хранении предмета преступления? Российский ученый В. Н. Курченко считает, что будет [2, с. 242], но к сожалению, не обосновывает свою позицию. По данному поводу хотелось бы заметить, что в судебной практике Республики Беларусь закреплены различные подходы в отношении установления соисполнительства при совершении различных преступлений. Так, соисполнителями убийства признаются только те соучастники прес-

тупления, которые своими действиями участвовали в процессе лишения жизни другого лица. Соисполнителями же незаконного приобретения наркотиков судебная практика признает всех лиц, явившихся с данной целью на встречу со сбытчиком, независимо от того, кому средство было непосредственно передано. Полагаем, что эту позицию при наличии объективных и субъективных признаков соучастия следует признавать правильной.

Наиболее острым в контексте рассматриваемой проблемы является вопрос о моменте юридического окончания анализируемого нами преступления при совершении его группой лиц. Поскольку все действия, перечисленные законодателем наряду со сбытом, связаны целью сбыта, то и группу лиц (соисполнителей) должно объединять стремление совершить сбыт наркотика, то есть его возмездную или безвозмездную передачу другому лицу или лицам. В случае, если задуманная передача состоялась, а все участники выполнили свои роли по изготовлению или приобретению, перевозке или хранению, пересылке или переработке предмета преступления, групповое преступление несомненно считается юридически окончанным. Если же задуманный участниками группы незаконный сбыт с предварительным незаконными изготовлением, хранением и перевозкой наркотиков был прерван, например, на моменте передачи изготовленного средства участнику-сбытчику, то незаконный сбыт, то есть задуманное преступление, не состоялось или оказалось неудавшимся. В судебной практике общепринятым является подход, при котором в подобных ситуациях всем соисполнителям незаконного оборо-

та наркотиков вменяется оконченное групповое преступление. Конструкция состава преступления, предусмотренного ч.2 ст. 328 УК, позволяет усомниться в правильности и обоснованности сложившейся практики. Следует обратить особое внимание на то, что данная сложная конструкция представляет собой, на наш взгляд, вариант усеченного состава, что и предопределяет момент окончания преступления. Подобные примеры конструирования встречаются в уголовном законе. Например, шпионаж – собирание сведений с целью их передачи. Или разбой – применение насилия или угрозы с целью завладения имуществом. В указанных составах вопрос о моменте окончания преступления, совершенного в соучастии, актуализируется.

Полагаем, что квалификация должна производиться по предусмотренным уголовным законом или разработанным доктриной правилам. Подход к ней должен быть единым, научным. Недопустимо руководствоваться мнимыми простотой и целесообразностью при квалификации преступления, «удобством» правовой оценки. Верно заметил В. М. Хомич: «Несмотря на отдельные успехи, уголовно-правовая наука сосредоточилась на добросовестном комментировании сформулированных кем-то и когда-то идей, изданных законов, принятых решений правоприменительных органов. Одним словом, юридическая практика вольно или невольно настолько приземлила уголовно-правовую науку, что та охотно стала обслуживать уголовно-правовую политику, не обращая внимание на ее социальную неэффективность, неопределенность и небезопасность для сохранения и укрепления правопорядка» [3, с. 255]. Однако,

при всем желании попытаться дать верную и справедливую оценку содеянному мы с неизбежностью сталкиваемся с препятствиями, обусловленными погрешностями в конструкции уголовно-правовой нормы, включающей в себя действия, одновременно образующие приготовление и исполнение преступления. Обсуждение вопроса об изменении закрепленного в ст. 328 УК подхода к ее формулированию, на наш взгляд, должно решить проблемы, связанные с квалификацией незаконного оборота наркотиков, совершенного группой лиц. Да и не только эти. Конечно, такое изменение должно быть взвешенным, хорошо продуманным, не нарушающим систему ст. 328 и всех иных составов преступлений в сфере незаконного обращения наркотиков. Правильно отметил В. В. Марчук, «что существующие проблемы квалификации и в целом уголовной ответственности за совершение групповых преступлений следует решать с позиции системного подхода» [4, с. 71]. Одним из возможных вариантов подобного реформирования может быть исключение из диспозиции ч.2 ст. 328 УК таких незаконных действий как изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка и пересылка веществ, и оставление лишь незаконного сбыта как общественно опасного деяния, входящего в объективную сторону состава данного преступления. Исключенные же незаконные деяния займут подходящее им место в рамках институтов стадий и соучастия в совершении преступления. Возможно при таком подходе все встанет на положенные им в системе уголовно-правовых институтов места. Моментом юридического окончания данного преступления будет фактическая передача пред-

мета преступления другому лицу, а все умышленные действия, создающие условия для сбыта будут оцениваться как приготовление к его совершению или соучастие в нем. Так, факт незаконного приобретения наркотика без цели сбыта будет влечь квалификацию по ч. 1 ст. 328 УК, а факт единоличного незаконного приобретения наркотика с целью сбыта квалифицироваться по ч. 1 ст. 13, ч. 2 ст. 328 УК при отсутствии предусмотренных законодателем квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. При содействии же сбыту, осуществляемому другим лицом, незаконное приобретение будет образовывать пособничество в сбыте, а подобные действия в рамках организованной группы квалифицироваться как сбыт, совершенный организованной группой.

В 2022 году произошел резкий рост количества осужденных по ч. 4 ст. 328 УК (по признаку «организованная группа»). Так, если в 2019 году это был 61 осужденный; в 2021 году уже 150, то в 2022 году цифра составила 493 человека (рост почти в 3.3 раза). Сложившаяся негативная ситуация имеет свои объективные причины. Мир незаконного наркооборота стремительно видоизменяется. Доминирующим становится бесконтактный способ распространения наркотиков, при котором используются все возможности цифрового пространства. Интернет позволяет «работать» масштабно, мобильно, высоконсперативно и долговременно. Из информационных ресурсов для приобретения либо сбыта наркотиков посредством Интернета используются различные приложения: «Telegram», «VIPole» и «Wikr.me» и др. Распространение чаще всего осуществляется через Интернет-магазины.

На фоне таких возможностей прес-

тупники объединяются в устойчивые группы для занятия высокоприбыльным «бизнесом». В результате задачи правоприменителя усложняются как в части правильной квалификации содеянного, так и в части процесса доказывания.

Вменение ч. 4 ст. 328 УК требует доказанности осуществления незаконного оборота двумя или более лицами, предварительно объединившимися в управляемую устойчивую группу для совместной преступной деятельности. Необходимо также доказать, что обвиняемый достоверно знал, что он действует в составе организованной группы, где его деятельность координируется и им руководят. Фактор организованности преступной группы выражает постоянно работающий преступный механизм по планированию, организации и совершению соответствующих преступлений на основе управляемости и сплоченности всех ее участников [1, с. 53]. Установление указанных фактов в ситуациях распространения наркотиков с использованием сети Интернет сопряжено с дополнительными сложностями. Это неизбежно и понятно. Тем не менее, указанные препятствия не могут служить оправданием постановки незаконного или несправедливого приговора. Во избежание этого следует правильно толковать содержание признаков организованной группы, не строить свои выводы на предположениях, не допускать «квалификацию с запасом», не забывать о принципе индивидуализации при назначении наказания, учитывая роль лица, действовавшего в составе организованной группы.

Количественный состав участников организованной группы: двое и более лиц, обладающих признаками субъек-

та преступления. Данный признак является общим для института соучастия. В подавляющем большинстве случаев в рамках конкретного уголовного дела обвинение по ч. 4 ст. 328 УК предъявляется одному лицу. Причем такими лицами выступают, как правило, рядовые закладчики (минеры). Личности иных участников в составе преступной группы завуалированы никнеймами, используемыми ими при взаимодействии друг с другом в сети Интернет. Установление строгих правил конспирации позволяет им оставаться неизвестными не только для правоохранительных органов, но и друг для друга. Обвиняемые чаще всего не знают реальных данных о личностях иных участников. Коммуникативное общение происходит в удаленном доступе посредством переписки в различных мессенджерах. Источником доказательств в подтверждение количественного состава (два и более лица), выступают сведения, полученные из Интернет-переписки виновного с иными пользователями – участниками Интернет-магазина. Например, в одном из приговоров суда в качестве обоснования выводов о количественном составе организованной группы, в которую входила обвиняемая, приводились данные ее переписки с иными лицами, которые свидетельствовали о наличии в данном «магазине» иных неустановленных лиц, в том числе выполняющих роли руководителей, уполномоченных по продажам, закладчиков и перевозчиков, инструктора по технике безопасности и конфиденциальности, кураторов, координирующих деятельность закладчиков, обработчиков информации по сбору заявок на приобретение наркотиков. Как видим, характер полученной информации свидетельствует о

масштабах незаконной деятельности, что подтверждает участие в ней иных лиц. Несмотря на видимую простоту, количественный признак следует устанавливать и доказывать конкретными фактическими обстоятельствами наряду со всеми другими признаками организованной группы.

Изучение опубликованной судебной практики показывает, что в обоснование наличия признака «предварительная объединенность» при осуществлении незаконного оборота через Интернет суды приводят данные, доказывающие планирование преступной деятельности, а также согласованность действий участников группы. Эти данные опять-таки извлекаются из интернет-переписки между пользователями. Речь идет о следующих фактических обстоятельствах. Сам факт создания и функционирования Интернет-магазина по распространению наркотиков свидетельствует не только о привлечении к работе в нем определенного количества лиц (количественный признак), но и о распределении между ними функционала на различных этапах оборота от приобретения психоактивного вещества до проверки факта оплаты приобретателем и предоставления ему сведений о месте закладки. Чем масштабнее деятельность такого магазина, тем очевиднее признаки организованной группы, в том числе и предварительная объединенность.

Алгоритм взаимодействия участников Интернет-магазина часто выглядит следующим образом. Лицо в ходе интернет-переписки обсуждает вопросы своего трудоустройства в «магазин», оплаты за выполняемую работу, получает инструкции и задания, отправляет описание мест закладок, составляет

отчеты о проделанной работе. Как правило, новичок выполняет работу по закладке мелких партий запрещенных веществ. Далее переводится на более высокий уровень «оптового закладчика» и занимается деятельностью «склада» путем получения крупной партии веществ, расфасовки на мелкие партии и их раскладки в тайники, информацию о которых сообщает куратору. Куратор действует под ником, осуществляет руководство деятельностью закладчиков, предоставляет ему сведения о местонахождении веществ, выплачивает заработную плату. Он может быть наделен правом наложения штрафов и поощрений на закладчиков. Есть примеры, когда из содержания переписки следует наличие в группе лиц, занимающихся обучением закладчиков и обеспечением мер безопасности при осуществлении ими преступной деятельности.

Подобного рода данные о взаимодействии участников магазина, изъятые из переписки в сети Интернет, могут свидетельствовать о наличии признака предварительной объединенности в рамках организованной группы. Они демонстрируют наличие хорошо структурированного, четко функционирующего преступного образования.

Вместе с тем, установление одного лишь факта существования Интернет-магазина недостаточно для констатации признака «предварительная объединенность». Необходимо доказать, что на основе соглашения, склонения лиц к участию в преступной деятельности и т. п. еще до начала осуществления деятельности по незаконному обороту наркотиков произошло объединение двух или более лиц для неоднократного совершения преступлений.

Немалые сложности связаны с ус-

тановлением признака управляемости. Для признания преступной группы управляемой необходимо, как правило, наличие в ее составе руководителя (нескольких руководителей), выполняющего действия по координации преступной деятельности данной группы, руководству ею, поддержанию внутригрупповой дисциплины, основанной на подчиненности участников группы ее руководителю, подкреплению его авторитетом, принудительной силой и т. п.

Высокая степень конспирации незаконного оборота наркотиков с использованием сети Интернет препятствует установлению организаторов (руководителей) организованных групп. Конкретные уголовные дела возбуждаются в доминирующем большинстве случаев в отношении рядовых «закладчиков». Вместе с тем, характер деятельности Интернет-магазинов свидетельствует о наличии разветвленной и четкой его структуры, состоящей из штата сотрудников, деятельность которых координируется, направляется и подкрепляется нередко принудительной силой.

В большинстве случаев характер осуществляемой Интернет-магазином деятельности свидетельствует о невозможности ее организации и реализации без координирующего ядра в лице одного или нескольких руководителей. В обобщенном виде распространенные в судебной практике формулировки, мотивирующие вывод суда об управляемости группы, выглядят примерно так: «Содержание переписки обвиняемого с иными участниками криминальной структуры, действующей на базе данного Интернет-магазина, несет информацию о передаче пользователем «НИК» обязательных для исполнения

заданий обвиняемому Х., о контроле их исполнения, наличии в данной криминальной структуре премий и штрафов в зависимости от качества выполняемой работы, о предусмотренной в их деятельности системе отчетов о выполненной работе и расчета заработной платы и иное». Установление фактических данных, подтверждающих указанное, расценивается судами как методы и средства, направленные на поддержание внутригрупповой дисциплины и авторитета руководства группы для всех иных ее участников, включая обвиняемого. Необходимость постоянного согласования действий с куратором, отчет перед ним, выполнение в обязательном порядке его указаний в совокупности с иными установленными фактическими данными часто служат доказательствами наличия признака управляемости. Действительно, данные, подтверждающие существование в группе обезличенного координирующего центра, распределяющего между участниками отведенные каждому роли и контролирующего их выполнение, системы внутренней дисциплины, планирования преступной деятельности, обеспечения безопасности участников группы свидетельствует об управляемости группой. Способность обеспечить высокий уровень конспирации и четко наладить преступную деятельность являются дополнительным аргументом, констатирующим наличие признаков организованной группы. Поэтому неустановление конкретного лица, организовавшего группу, и отсутствие данных, идентифицирующих личность руководителя, не препятствует отнесению ее к организованной. Кроме того, наличие в составе организованной группы руко-

водителя как подтверждение управляемости не является обязательным.

Устойчивость как собирательное понятие может включать в себя самые различные признаки: стабильность основного состава группы; высокая степень согласованности их действий; продолжительность преступной деятельности и способность ее продолжать после выбытия отдельных участников; др.

Анализ опубликованных приговоров показывает, что, как правило, в обоснование наличия данного признака суды приводят доказательства, свидетельствующие о нацеленности определенной криминальной структуры на достаточно длительный период времени и указывающие на продолжение функционирования определенного Интернет-магазина и после задержания обвиняемого. Представляется, что указание в приговоре на количество заказов наркотических средств является недостаточным для констатации устойчивости группы.

Целью любой организованной группы является занятие преступной деятельностью. В случае наркопреступлений в формате Интернет-магазинов речь идет чаще всего о неопределенном периоде времени, в течение которого совершается единичное либо самостоятельные преступления, связанные со сбытом наркотиков.

В целом, сама по себе цель осуществления «наркобизнеса» в течение продолжительного времени (чем дольше, тем лучше) указывает на устойчивость группы.

Изучение опубликованной судебной практики показало, что признак нацеленности на совместную преступную деятельность обосновывается, как правило, приведением фактов совершения лицом аналогичных по своему

содержанию и способу преступлений, связанных с распространением наркотиков, получением материальной выгоды и намерением получать постоянный заработок при трудоустройстве в магазин. Высокоорганизованность и нацеленность на осуществление преступной деятельности нередко подтверждается фактами, свидетельствующими о прохождении участниками группы инструктажа и обучения специфики работы с соблюдением конспиративных мер. Такая подготовка нацелена на осуществление деятельности на постоянной основе в течение продолжительного периода времени.

Для вменения лицу признака «организованная группа» требуется установить не только фактическое наличие предварительной объединенности, устойчивости, управляемости преступного образования, созданного для осуществления преступной деятельностью, но и осознание обвиняемым указанных фактов.

Сквозь призму осознания обвиняемым в незаконном обороте наркотиков в составе организованной группы признаков содеянного необходимо доказать количественный состав участников группы (два и более вменяемых лица, достигших установленного уголовным законом возраста); ее предварительную объединенность; управляемость; устойчивость и нацеленность на совместную преступную деятельность. Кроме того, не следует забывать, что правовая оценка действий, связанных с незаконным оборотом наркотиков, по особо квалифицирующему признаку совершения организованной группой, возможна только при наличии такого отдельно выделенного ч.2 ст.328 УК субъективного признака как цель неза-

конного сбыта находящихся в обороте вещества. Субъективная сторона преступления, совершенного лицом, устроившимся в Интернет-магазин по продаже наркотиков имманентно включает в себя осознание им целей деятельности данного магазина. Возможны ситуации, когда «трудоустроенное» лицо само по себе преследует иные цели, например, будучи наркозависимым, получить доступ к запрещенным веществам. Означает ли это, что правовая оценка подобных действий должна меняться в связи с якобы отсутствием в действиях лица цели сбыта. Отнюдь. Действуют общеизвестные правила квалификации вменения признаков преступления соучастникам. Применительно к рассматриваемой ситуации эти правила можно сформулировать следующим образом: если лицо совместно с другими членами организованной группы участвует в совершении незаконного оборота наркотиков, не преследуя цели сбыта (например, незаконно приобретает запрещенное вещество для себя), при этом будучи осведомленным о преступных целях такой группы, ему вменяется в ответственность данная цель. То есть, при доказанности осознания лицом всех признаков организованной группы, в том числе и нацеленности на совместную преступную деятельность по распространению наркотиков, независимо от преследуемых лично целей (получить доступ к запрещенным веществам, устроиться на высокооплачиваемую работу и т. п.), такое лицо должно нести ответственность за совершение преступления организованной группой.

Таким образом, для вменения лицу признака «организованная группа» требуется установить не только фак-

тическое наличие предварительной объединенности, устойчивости, управляемости преступного образования, созданного для осуществления преступной деятельностью, но и осознание обвиняемым указанных фактов. Лицо должно осознавать свою причастность к участию в организованной группе, а не только к факту совершения преступления в виде незаконного оборота наркотиков. Поэтому трудно согласиться с безапелляционным утверждением о том, что «на сегодняшний день ... любая деятельность так называемого «минера», «закладчика», согласившегося на постоянной основе получать, расфасовывать и распределять по тайникам запрещенные к обороту вещества для их последующей реализации потребителям, это деятельность в составе организованной группы [5, с. 30].

Способность осознавать опасность своих поступков наступает, как известно, к определенному возрасту. За деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 27 УК, ответственность снижена до 14-летнего возраста. Перечень данных деяний включает в себя и части 2-5 ст. 328 УК. Таким образом, законодатель полагает, что лицо уже с 14-летнего возраста спо-

собно понимать повышенную общественную опасность распространения наркотиков организованной группой, разбираться в содержании понятий «управляемость», «устойчивость», «предварительная соорганизованность», «объединенность», «стабильность» и др. Вызывает сомнение обоснованность такого законодательного подхода. Причастность большого количества людей к тому или иному событию (действию, явлению, поступку) чаще всего служит подтверждением его вседозволенности для молодого человека. Слова «координация», «конспирация», «внутригрупповая дисциплина», «стабильность», «противодействие мерам социального контроля» и др. вряд ли надлежащим образом осознаются несовершеннолетними, тем более с 14 лет. Заметим, что за такие преступления как бандитизм, создание преступной организации уголовная ответственность установлена с 16-летнего возраст несмотря на их большую общественную опасность. Вышеизложенное позволяет нам призвать правоприменителя к особой осторожности при вменении несовершеннолетнему лицу ч.4 ст.328 УК по признаку «организованная группа».

Список использованных источников

1. Хомич В.М. Системно-содержательные изменения института соучастия в уголовном кодексе Беларуси и стандарты законности при квалификации // Судебная практика в контексте принципов законности и права: сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Тесей, 2006. – С. 37-62.
2. Курченко В.Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты / В.Н. Курченко. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 427с.
3. Хомич В.М. Законодательство о противодействии преступности на пути консолидации правовых начал уголовной политики / Хомич В.М. // – Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь»; редкол.: В.В. Марчук (гл. ред.) [и др.]; под ред. В. В. Мар-

чука, А. В. Солтановича. – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – Вып. 11. – С. 255–261.

4. Марчук В.В. Квалификация преступлений, совершенных группой лиц / В.В. Марчук // Судебная практика в контексте принципов законности и права: сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Тесей, 2006. – С. 62–73.

5. Осипчик М. О квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом запрещенных психоактивных веществ. Законность и правопорядок, №1 (61), 2022, с.30–34.

УДК 343.24

МАРЧУК Василий Васильевич

Заң ғылымдарының докторы, доцент, Беларусь Республикасы Ішкі істер министрлігінің Академиясы білім беру мекемесінің қылмыстық құқық кафедрасының профессоры

ҚОҒАМНАН ОҚШАУЛАУҒА БАЙЛАНЫСТЫ ЕМЕС, ҮКІМДЕ ТАҒАЙЫНДАЛҒАН ЖАЗАНЫҢ ОРЫНДАЛУЫН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ ТУРАЛЫ

Аннотация. Мақалада автор Беларусь Республикасының қылмыстық заңнамасына қоғамнан оқшауланумен байланысты емес жазаны оны өтеуден қасақана жалтарған жағдайда неғұрлым қатаң жазаға ауыстырудың жеңілдетілген тәртібін енгізуге байланысты туындаған құқық қолдану практикасының проблемаларын көрсетеді. Қылмыстық заңның қолданыстағы ережелеріне сын айтылады. Жаңа қылмыстық-құқықтық реттеудегі қателіктердің негізгі себептері көрсетілген. Қолданыстағы құқық қолдану мәселелерін жою бойынша кейбір ұсыныстар тұжырымдалған.

Түйін сөздер: айыптау үкімін орындаудың сөзсіздігі; қоғамнан оқшауланумен байланысты емес жаза; жазаны өтеуден қасақана жалтару; жазаны неғұрлым қатаңдықпен ауыстыру.

МАРЧУК Василий Васильевич

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАЗНАЧЕННОГО В ПРИГОВОРЕ НАКАЗАНИЯ, НЕ СВЯЗАННОГО С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье автор показывает проблемы правоприменительной практики, которые возникли в связи с введением в уголовное законодательство Республики Беларусь упрощенного порядка замены наказания, не связанного с изоляцией от общества, на более строгое, в случае злого уклонения от его отбывания. Содержится критика действующих положений уголовного закона. Указаны основные причины ошибок нового уголовно-правового регулирования. Сформулированы некоторые предложения по упразднению существующих проблем правоприменения.

Ключевые слова: Неотвратимость исполнения обвинительного приговора; наказание, не связанное с изоляцией от общества; злостное уклонение от отбывания наказания; замена наказания на более строгое.

MARCHUK Vasil

Doctor of Law, Associate Professor Professor of the Department of Criminal Law of the Educational Institution "Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus"

ON ENFORCEMENT OF THE PUNISHMENT ASSIGNED IN THE JUDGMENT NOT ASSOCIATED WITH ISOLATION FROM SOCIETY

Abstract. *In the article, the author shows the problems of law enforcement practice that have arisen in connection with the introduction into the criminal legislation of the Republic of Belarus of a simplified procedure for replacing a sentence not related to isolation from society with a more severe one in case of malicious evasion from serving it. Contains criticism of the current provisions of the criminal law. The main reasons for the errors of the new criminal law regulation are indicated. Some proposals for the abolition of existing problems of law enforcement are formulated.*

Key words: *The inevitability of the execution of a guilty verdict; punishment not related to isolation from society; malicious evasion from serving a sentence; replacing the punishment with a more severe one.*

9 сентября 2021 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. №112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», которым, в частности из УК Республики Беларусь (далее – УК) были исключены ст. 415–419. В указанных статьях УК предусматривалась уголовная ответственность за злостное уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества: уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы (ст. 415), уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ (ст. 416), неисполнение приговора суда о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 417), уклонение от уплаты штрафа (ст. 418), уклонение от отбывания наказания в виде общественных работ (ст. 419). Одновременно в главу 9 «Наказание и его виды» к соответствующим статьям были введены дополнения, предусматривающие упрощенный порядок замены назначенного наказания при злостном уклонении от его отбывания более строгим (ч. 6 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 6 ст. 51, ч. 7 ст. 52, ч. 8 ст. 55 УК).

В обоснование декриминализации злостного уклонения от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества, приводилось два основных аргумента:

необходимость снижения статистики рецидива и упрощение процедуры ужесточения ответственности в отношении лиц, уклоняющихся от отбывания назначенного наказания. Однако почти двухлетний период действия упрощенного порядка замены на более строгое показал, что проблема исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, еще более обострилась.

В советский период в уголовном законодательстве Беларуси вопрос о правовых последствиях злостного уклонения от отбывания наказания, не связанного с изоляцией от общества, решался по-разному. В статье 28 УК БССР 1960 г. была установлена механическая замена наказания в виде исправительных работ на лишение свободы в случае злостного уклонения от его отбывания. В месте с тем, в Особенной части УК 1960 г. было две статьи, предусматривающих уголовную ответственность за злостное уклонение от отбывания наказания: уклонение от отбывания наказания в виде штрафа (ст. 181-1) и неисполнение приговора суда о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью лицом, в отношении которого вынесен приговор (ст.184-2).

В доктрине уголовного права многие авторы [Мацокина Г.Н. [1], Похмелкин В.В.

[2], Тарханов И.А. [3], Ткачевский Ю.М. [4], Егоров В.И. [5], Мотовилоквер Я.О. [6], Зельдов С.И. [7], Барков А.В. [8], Звечаровский И., Чайка Ю. [9], Кругликов Л.Л. [10] и др.] подвергали основательной критике упрощенный порядок замены наказания на более строгое в случае злостного уклонения от его отбывания. В УК Республики Беларусь 1999 г. приоритет был отдан криминализации фактам злостного уклонения от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Подход, закрепленный первоначально в УК Республики Беларусь 1999 г., на протяжении 20 лет показывал свою состоятельность. Предусмотренная в главе 34 УК «Преступления против правосудия» система норм, устанавливающих уголовную ответственность за злостное уклонение от отбывания назначенного наказания, обеспечивала неотвратимость исполнения обвинительного приговора.

Необходимо отметить, что по вопросу о правовых последствиях злостного уклонения от отбывания назначенного наказания в современной мировой законодательной практике не наблюдается однозначного подхода. Например, в соответствии с положениями УК Украины злостное уклонение от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, признается преступлением: уклонение от уплаты штрафа, отбытия наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 1 ст. 389); отбытия наказания в виде общественных работ; отбытия наказания в виде исправительных работ (ч. 2 ст. 389 УК); отбытия наказания в виде ограничения свободы (ст. 390 УК). Более того, в УК Украины установлена уголовная ответственность за умышленное невыполнение соглашения о примирении (ст. 389-1 УК), а также за злостное уклонение от отбывания

административного взыскания в виде общественно полезных работ (ст. 389-2).

Вместе в уголовном законодательстве многих стран предусмотрен упрощенный порядок замены наказания на более тяжкое. Так, в УК Республики Казахстан такой порядок установлен для случаев уклонения от отбывания некоторых видов наказания, например, при уклонении от общественных работ (ч. 2-1 ст. 43), при злостном уклонении от отбывания ограничения свободы (ч. 3 ст. 44). Вместе с тем, ч. 2 ст. 427 УК Республики Казахстан признает преступлением уклонение не от отбывания наказания, а от иных принудительных мер: «Уклонение лица, осужденного за уголовные правонарушения против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также осужденных лиц, признанных нуждающимися в лечении от психических, поведенческих расстройств (заболеваний), связанных с употреблением психоактивных веществ, от применения к ним принудительных мер медицинского характера».

По данным статистики в 2022 году судами Республики Беларусь было рассмотрено 4472 материала о замене наказания более строгим в связи со злостным уклонением от его отбывания. Из рассмотренных материалов 83,7 % было удовлетворено. В большинстве случаев суды рассматривали материалы относительно злостного уклонения от отбывания наказания в виде ограничения свободы – 60,1 % от общего количества рассмотренных материалов. Удельный вес материалов о замене общественных работ на более строгое наказание составил 21,3 %, штрафа – 10,1 %, исправительных работ – 7,6 %, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 0,9 %.

Установление в УК Республики Беларусь упрощенного порядка замены наказаний, не связанных с изоляцией от общест-

ва, на более строгое создало много проблем в правоприменительной практике. Например, ч. 6 ст. 49 УК гласит: «В случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде общественных работ суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, может заменить общественные работы арестом из расчета один день ареста на двадцать четыре часа общественных работ или ограничением свободы из расчета один день ограничения свободы на двенадцать часов общественных работ. При этом время уклонения от отбывания наказания в виде общественных работ не засчитывается в срок отбытого наказания.».

Предусмотренная замена общественных работ противоречит смыслу ч. 1 ст. 48 УК о том, что за совершенное преступление может быть назначено только одно основное наказание: по одному обвинительному приговору осужденный реально отбывает два основных наказания: общественные работы и арест или ограничение свободы. При замене общественных работ арестом возникают ситуации, когда санкцией статьи Особенной части УК, по которой лицо было осуждено, не предусмотрено наказание в виде ареста (например, санкция ч. 1 ст. 159 «Оставление в опасности»). Новое наказание – арест, в таком случае не вытекает из уголовно-правовой оценки, уже данной совершенному преступлению в вынесенном обвинительном приговоре. Возникает противоречие и с положениями статьи 62 УК, согласно которой суд назначает наказание в пределах, установленных статьей Особенной части УК, предусматривающей ответственность за совершенное преступление. Замена общественных работ арестом в рамках одного обвинительного приговора нарушает принцип справедливости, поскольку по одному обвинительному приговору лицо фактически несет ответственность дважды [11, с. 64].

А.В. Барков в рассматриваемом контексте верно отмечает, что за дисциплинарное правонарушение налагается наказание, которое не предусмотрено обвинительным приговором. При этом назначается это наказание механически с отступлением от принципа индивидуализации наказания [12, с. 131].

Согласно ч. 6 ст. 49 УК при злостном уклонении осужденного от отбывания наказания в виде общественных работ суд «может» осуществить замену. Диспозитивность такого рода решения приводит к неоднозначным ситуациям. С одной стороны, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций во исполнении ч. 4 ст. 24 и ч. 3 ст. 30 УИК Республики Беларусь обязаны подавать соответствующие представления, а, с другой, суд по своему усмотрению может и отказать в удовлетворении такого представления. К сожалению, суды вынуждены иногда так поступать в связи с отсутствием четкой законодательной регламентации процедуры замены. Например, известны факты подачи представления по факту уклонения, когда неотбытая часть наказания в виде общественных работ составляет менее двенадцати часов.

Замена неотбытой части наказания в виде общественных работ на более строгое вместо предупредительного эффекта иногда вызывает обратную реакцию: провоцирует негативное посткриминальное поведение осужденного. Например, лицу, которому назначены общественные работы выгоднее инспирировать уклонение от его отбывания, поскольку максимально в порядке замены ему может быть назначено 15 дней ареста.

Достаточно острые вопросы возникают при исполнении наказания в виде штрафа. Часть 4 ст. 50 УК предусматривает: «В случае злостного уклонения осужденного от исполнения наказания в виде штрафа

суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, может заменить штраф арестом из расчета один день ареста за десять базовых величин штрафа, исходя из размера базовой величины, установленного на день постановления приговора, но на срок не свыше трех месяцев либо ограничением свободы из расчета один месяц ограничения свободы за пять базовых величин штрафа, исходя из размера базовой величины, установленного на день постановления приговора, но на срок не свыше пяти лет.».

По действующему законодательству Республики Беларусь исполнение наказания в виде штрафа возложено на органы принудительного исполнения. Судебные исполнители при оформлении материалов по фактам уклонения от отбывания наказания в виде штрафа испытывают серьезные затруднения, поскольку вынуждены выполнять несвойственные им функции органов дознания. При оформлении документов допускается много ошибок. Прокуроры в рамках осуществления надзора признают эти материалы недостаточными. А суд не имеет надлежащей процессуальной ориентации при принятии решения по этим вопросам.

Кроме того, с позиции материального права возникают вопросы о замене штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания. В соответствии с ч. 4 ст. 50 УК, в случае уклонения осужденного от отбывания штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, вопрос о его замене рассматривается судом после отбывания осужденным основного наказания. С позиции целей уголовной ответственности и обеспечения неотвратимости исполнения обвинительного приговора могут возникать странные ситуации. Например, если лицо было осуждено за измену государству по ч. 2 ст. 356 УК к двадцати годам лише-

ния свободы с применением дополнительного наказания в виде штрафа, то неисполнение приговора без уважительных причин в части уплаты штрафа будет решаться по истечении двух десятилетий, если осужденный не будет подвергнут условно-досрочному освобождению от отбывания лишения свободы.

Применительно к замене наказания в виде ограничения свободы лишением свободы вопросов возникает еще больше. Часть 8 ст. 55 УК предусматривает: «В случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, может заменить ограничение свободы лишением свободы из расчета один день лишения свободы за два дня ограничения свободы». Данное положение уголовного закона входит в противоречие с п. 14.3 Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), в котором указано: «Если мера, не связанная с тюремным заключением, окажется не эффективной, то это не должно автоматически приводить к применению меры, связанной с тюремным заключением». Кроме того, в судах возникают вопросы, связанные с определением вида исправительного учреждения и условиях режима отбывания лишения свободы, если в процессе отбывания лишения свободы, примененного в порядке замены за уклонение от отбывания ограничения свободы лицо совершит новое преступление, за которое нужно назначить лишение свободы.

Как показывает судебная практика уже нередки случаи, когда замена наказания по постановлению суда на более строгое осуществляется несколько раз. Например, за злостное уклонение от отбывания наказания в виде общественных работ, назначен-

ного в обвинительном приговоре, осужденному было назначено по постановлению суда наказание в виде ограничения свободы. В период отбывания наказания в виде ограничения свободы было констатировано злостное уклонение от его отбывания. Суд в соответствии с ч. 8 ст. 55 УК применяет опять по своему постановлению замену на лишение свободы. Правоприменительная практика стала занимать такую позицию в связи с тем, что уголовный закон не предусматривает прямого запрета на замену наказания более строгим несколько раз. Однако многократная замена наказания более строгим может привести к применению в конечном итоге наказания, которое по своей тяжести значительно превышает пределы санкции той статьи, по которой лицо было осуждено за совершенное преступление. Несомненно, такой подход вызывает возражения с позиции закрепленного в УК принципа справедливости.

В практике также встречаются случаи, когда к лицу, твердо вставшему на путь исправления, по постановлению суда применили замену наказания в виде лишения свободы на более мягкое наказание – ограничение свободы (ст. 91 УК), но осужденный совершил злостное уклонение от отбывания ограничения свободы. В таких случаях применяют замену на более строгое наказание – лишение свободы. Представляется, что такой подход не соответствует закону. Согласно ч. 1 ст. 91 УК «Лицам, осужденным (курс. авт.) к исправительным работам, ограничению по военной службе, ограничению свободы или лишению свободы, неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким наказанием.». В соответствии с ч. 1 ст. 44 УК «Уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказа-

ния либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом.». Но в приведенном примере замена наказания на более мягкое была осуществлена по постановлению суда.

Практика показала и разные подходы к исчислению сроков условно-досрочного освобождения осужденных, которым неотбытое наказание в виде ограничения свободы заменено лишением свободы в соответствии с правилами ч.8 ст.55 УК. В одних случаях исчисление срока возможного досрочного освобождения определяют исходя из общего срока отбытых наказаний: от срока отбытого ограничения свободы, назначенного по приговору и срока лишения свободы, установленного в постановлении суда. В других случаях исчисление срока досрочного освобождения определяется исключительно из срока лишения свободы, определенного в постановлении суда о замене наказания в виде ограничения свободы в соответствии с ч.8 ст.55 УК. Есть и третий подход: исчисление срока досрочного освобождения определяется исключительно из срока ограничения свободы, назначенного по приговору.

Изложенное показывает, что указанные проблемы можно разрешить только законодательным путем. Вместе с тем, полагаем, что повлиять на снижение рецидива и уровня преступности (главная цель, преследуемая инициаторами декриминализации злостного уклонения от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества) можно другими способами. В частности, можно в уголовно-исполнительном законодательстве изменить подход к пониманию содержания злостного уклонения от отбывания соответствующего вида наказания. К злостному уклонению целесообразно относить только те факты, которые свидетельствуют об очевидном нежелании осужденного исполнять пред-

писания обвинительного приговора (например, осужденный самовольно оставил место отбывания наказания, поменял место жительства с целью уклонения, скрывается и т.д.). На совершение мелких, даже неоднократных нарушений условий отбывания наказания (неявка в уголовно-исполнительную инспекцию без уважительных причин, нарушение трудовой дисциплины и др.) уместно реагировать мерами дисциплинарного характера.

Кроме того, заметим, что существовав-

ший ранее подход в УК Республики Беларусь о признании факта злостного уклонения от отбывания соответствующего вида наказания самостоятельным преступлением (ст. 410, 411, 413–419 УК), в целом, образовывал систему уголовно-правовых средств, реально обеспечивающих отбывание и исполнение наказания, назначенного обвинительным приговором. При этом наказание, от отбывания которого уклонялся осужденный, подлежало обязательному исполнению.

Список использованных источников

1. Мацокина Г.Н. Совершенствование законодательного регулирования замены исправительных работ лишением свободы / Г.Н. Мацокина, Л.А. Прохоров // Проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. – Омск: Изд. ОВШ МВД СССР, 1977. – С. 72–82.
2. Похмелкин В.В. Уголовно-правовая характеристика злостного уклонения от исправительных работ в свете принципа справедливости / В.В. Похмелкин, В.И. Симонов // Актуальные проблемы общественных, естественных и технических наук: тез. докл. – Пермь, 1983. – Ч. 1. – С. 79–86.
3. Тарханов И.А. Замена наказания по советскому уголовному праву / И.А. Тарханов. – Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1982. – 104 с.
4. Ткачевский Ю.М. Замена уголовного наказания в процессе исполнения / Ю.М. Ткачевский. – М.: Юрид. Лит., 1982. – 136 с.
5. Егоров В.И. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания уголовных наказаний: учеб. пособие. – Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1985. – 76 с.
6. Мотовилоквер Я.О. О непоколебимости вступившего в законную силу приговора при его исполнении / Я.О. Мотовилоквер // Проблемы юридической ответственности и исполнения уголовных наказаний: сб. науч. тр. – Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1985. – С. 100–107.
7. Зельдов С.И. Ответственность за уклонение от отбывания назначенного наказания / С. И. Зельдов // Совершенствование правовых основ уголовного судопроизводства: сб. науч. тр. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1988. – С. 118–129.
8. Барков А.В. Неотвратимость ответственности за правонарушение: теория, практика, закон / А.В. Барков // Право и демократия: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.Г. Тихиня (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1991. – Вып. 4. – С. 87–96.
9. Звечаровский И. Замена назначенного судом наказания более строгим / И. Звечаровский, Ю. Чайка // Законность. – 1994. – № 6. – С. 38–39.
10. Кругликов Л.Л. Проблема замены наказания более строгим не по приговору суда с позиции международно-правовых стандартов / Л.Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи. 1982-1999 г. / Ярославский гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 1999. – С. 99–108.

11. Марчук В.В. О замене назначенного судом наказания более строгим / В.В. Марчук // Актуальные вопросы криминологии, противодействия коррупции и исполнения наказаний: тез. докл. Междунар. науч.-практ. заоч. конф., посвящ. 30-летию уголов.-исполн. фак. (Минск, 11 апр. 2023 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: Н.В. Кийко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Академия МВД, 2023. – С. 63–66.

12. Барков А.В. Замена исполняемого наказания более тяжким: проблема юридической природы / А.В. Барков // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение: сб. науч. тр. Вып. 2 / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ; редкол.: С.К. Лещенко (отв. Ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2021. – С. 123–134.

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСС / УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС / CRIMINAL PROCEDURE

УДК 343.1(574)

АҚПАНОВ Арыстан Нөкешұлы

Заң ғылымдарының докторы, профессор, Л. Н. Гумилёв атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры

НҮРЛҰМБАЕВА Ляззат Ерланқызы

«Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты» ШЖҚ РМК Ғылыми құқықтық сараптаманы үйлестіру бөлімінің басшысы

ҚЫЛМЫСТЫҚ ПРОЦЕСТЕГІ БҰЙРЫҚТЫҚ ІС ЖҮРГІЗУ ИНСТИТУТЫН САЛЫСТЫРМАЛЫ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАЛДАУ

Аннотация. Мақалада авторлар қылмыстық процестегі бұйрықтық іс жүргізу институтына салыстырмалы-құқықтық талдау жүргізді. Осы институт Қазақстанда 2018 жылдан бастап жұмыс істей бастады және «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне құқық қорғау қызметінің процестік негіздерін жаңғырту мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» 2017 жылғы 1 желтоқсандағы Заңмен Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексіне енгізілді. Мұндай институтты енгізу қажеттілігі іс жүргізу нысанын жеңілдету, қылмыстық теріс қылықтар мен ауырлығы аз қылмыстар туралы істер бойынша мерзімдерді жеделдету және іс жүргізу үнемдеуі қажеттілігіне байланысты.

Іс жүзінде бұйрықтық іс жүргізу институтын құқық қорғау және сот органдары толық көлемде пайдаланбайтынын атап өткен жөн, бұл заңнамалық реттеудің жетілмегендігі, сондай-ақ оны қолдану кемшіліктері салдарынан бұйрық тәртібінің барлық әлеуеті толық ашылмағандығы туралы тезисті растайды. Осыған ұқсас институттардың кейбір ережелерінің рецепциясы мен оларды бейімдеу бөлігінде шетелдік заңнаманы талдау осы жұмыстың негізгі міндеттерінің біріне айналды.

Түйін сөздер: процестік нысанды саралау, жеңілдетілген және жеделдетілген іс жүргізу, арнайы іс жүргізу, бұйрықтық іс жүргізу, сот бұйрығы.

АҚПАНОВ Арыстан Нукешевич

Доктор юридических наук, профессор, профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан

НҮРЛҰМБАЕВА Ляззат Ерлановна

Руководитель отдела координации научной правовой экспертизы РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан»

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье авторы провели сравнительно-правовой анализ института приказного производства в уголовном процессе. Данный институт начал работать в Казахстане с 2018 года и внесен в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан Законом от 1 декабря 2017 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности». Необходимость введения такого института обусловлена необходимостью упрощения процессуальной формы, ускорения сроков и экономии производства по делам об уголовных проступках и преступлениях малой тяжести.

На практике следует отметить, что институт приказного производства не используется правоохранительными и судебными органами в полном объеме, что подтверждает тезис о том, что из-за несовершенства законодательного регулирования, а также недостатков его применения не раскрыт полностью весь потенциал приказного порядка. Одной из основных задач данной работы стал анализ зарубежного законодательства в части предписания некоторых положений аналогичных институтов и их адаптации.

Ключевые слова: дифференциация процессуальной формы, упрощенное и ускоренное производство, специальное производство, приказное производство, судебный приказ.

АКПАНОВ Арystan Nukeshevich

Doctor of Law, Professor, L. N. Gumilyov Professor of the Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

НУРЛУМБАЙЕВА Lyazzat Yerzhanovna

Head of the Department of Coordination of Scientific Legal Expertise of the RSE at the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE INSTITUTION OF WRIT PROCEEDINGS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. In the article, the authors conducted a comparative legal analysis of the institution of writ proceedings in criminal proceedings. This institute has been operating in Kazakhstan since 2018 and was introduced into the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan by the Law of December 1, 2017 "On Amendments and Additions to Some Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on the modernization of the procedural foundations of law enforcement". The need to introduce such an institution is due to the need to simplify the procedural form, accelerate the timing and economy of proceedings in cases of criminal offenses and minor crimes.

In practice, it should be noted that the institution of writ proceedings is not used by law enforcement and judicial authorities in full, which confirms the thesis that due to the imperfection of legislative regulation, as well as the shortcomings of its application, the full potential of the writ order has not been fully disclosed. One of the main tasks of this work

was the analysis of foreign legislation in terms of prescribing certain provisions of similar institutions and their adaptation.

Keywords: *differentiation of the procedural form, simplified and accelerated proceedings, special proceedings, writ proceedings, court order.*

Елдің үдемелі экономикалық дамуының, инвестициялық тартымдылығының маңызды шарттарының бірі мемлекет тарапынан қолжетімді, ақылға қонымды мерзімде тәуелсіз және әділ сот ісін жүргізуді қамтамасыз ету болып табылады. Осыған байланысты жаңа егеменді құқықтық жүйелер ұлттық заңнаманы құқықтық жанжалдарды ұтымды қарауды, ашықтықты, тиімділік пен жылдамдықты қамтамасыз ете отырып, құқықтық қатынастарды реттеудің әлемдік трендтеріне сәйкес оңтайлы жеңілдетуге және ретке келтіруге тырысады. Осы мән-мәтінде Н.Г. Стойконың ұлттық деңгейде және халықаралық салада бірыңғай біртекті қоғамдық қатынастарды құқықтық реттеудің тетіктерін құрудың өзектілігі мен қажеттілігі туралы тұрақты пікірімен ортақтаспыз [1, 6-б].

Қазіргі уақытта бұл үрдіс ғылыми қоғамдастық тарапынан барлық шетелдік институттардың Қазақстан аумағында бірдей тиімді еместігіне байланысты сынға ұшырауда.

Барынша қысқа мерзімде шешім қабылдауға болатын істер бойынша процестік үнемдеу басым бағыт болып табылады. Бұл ретте, ақылға қонымдылық қағидатын және өзінің бірегейлігін басшылыққа ала отырып, әрбір мемлекет осы мәселеге өзінше қарайды.

Қазақстандағы бұйрықтық іс жүргізу институты шетелдік, бәрінен бұрын, Германия мен Эстонияның сыналған тәжірибесін зерделеу негізінде енгізілді. Оны қолдануға болатын бірқатар шарттар бар, оның ішінде жиналған дәлелдемелер арқылы құқық бұзушылық фактісі және оны жасаған адам анықталған кезде; субъект өзінің кінәсінің

бар дәлелдемелеріне дау айтпайды және іс-әрекеттің біліктілігімен, келтірілген залалдың (зиянның) мөлшерімен (сомасымен) келіседі; негізгі жазаның бір түрі ретінде айыппұл көзделеді және басқалары.

Маңызды іс жүргізу кезеңдерінің бірі жасалған іс-әрекетті және процестік жағдайды заңдық бағалау, ерекше іс жүргізудің осы түрін қолдану туралы процестік шешімді қабылдау болып табылады.

Германияда ҚПК § 407 сәйкес жаза туралы сот бұйрығымен жазаның тек мынадай түрлері ғана жеке немесе жиынтық белгіленуі мүмкін: ақшалай айыппұл, жазаны шартты түрде қолданбау, көлік құралын жүргізуге тыйым салу, оны алып қою, тәркілеу, жою, жарамсыз ету, сотталғаны туралы хабарлау және заңды тұлғаға немесе тұлғалар бірлестігіне әкімшілік айыппұл; тыйым салу екі жылдан артық болмайтын жүргізуші куәлігінен айыру; жазадан бас тарту.

Егер айыпталушының қорғаушысы болса, онда, егер оны орындау сынақ мерзімімен кейінге қалдырылуға жататын болса, бір жылға дейінгі мерзімге бас бостандығынан айыру түріндегі жаза да белгіленуі мүмкін [2].

Заңды күшіне енген сот шешіміне шағымданудың неміс рәсімі де қызығушылық тудырады, мұнда заңды күшіне енген үкім шығарумен аяқталған іс жүргізуді қайта бастауға негіз бар. Бұл нормалар сот бұйрығына да қолданылады. ҚПК § 359 сәйкес іс жүргізуді қайта бастау (сотталғанның пайдасына) мынадай жағдайларда: дәлелдемелердің жалған жасалғандығы; куә айғақтарының және сарапшы қорытындысының/түсіндірмесінің көрінеу

жалғандығы; егер үкім шығаруға сотталғанның өзі бұзушылыққа себеп бермеген жағдайды қоспағанда, өзінің қызметтік міндеттерін бұзғаны үшін кінәлі деп танылған судья немесе шеффен қатысқан болса; егер айыптау үкімі сүйенген азаматтық істер бойынша соттың шешімі заңды күшіне енген басқа шешіммен жойылса; егер өздері немесе бұрын алынған дәлелдермен бірге сотталушының ақталуын немесе онша қатал емес қылмыстық заңды қолдану арқылы түзету шарасы мен қауіпсіздікке қатысты аз жазаны немесе айтарлықтай өзгеше шешімді негіздей алатын жаңа фактілер немесе дәлелдемелер ұсынылса; егер Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық сот Адам құқықтары мен негізгі бостандықтары туралы Еуропалық конвенцияны немесе оның хаттамаларын бұзуды анықтаса және үкім осы бұзушылыққа негізделсе болуы мүмкін.

ГФР ҚПК § 373 а сәйкес заңды күшіне енген жаза туралы сот бұйрығын қабылдаумен аяқталған іс жүргізуді қайта бастау (сотталғанның пайдасына емес) мүмкіндігі көзделген. Бұл жаңа фактілер немесе дәлелдемелер ұсынылған жағдайда орын алады, олар өздері жеке немесе алдыңғы дәлелдемелермен бірге қылмысқа байланысты соттау үшін жарамды [3].

Германияның ҚПК § 363. (1) негізінде сол қылмыстық заң негізінде жазаның өзге мөлшерін айқындау мақсатында іс жүргізуді қайта бастауға жол берілмейді.

ҚР ҚПК-не қылмыстық істі қайта бастау негіздері енгізілген жағдайда бұйрық тәртібімен осындай ережені бекіту қажет. Кері жағдайда, айыппұл мөлшерін азайту не оны төлеудің өзге тәртібін айқындау мақсатында істі қайта бастау негіздерін белгілейтін нормаларды теріс пайдалану ықтималдығы болуы мүмкін.

Германияның тәжірибесі бұрын мақала авторларының алдыңғы жұмыстарында ег-

жей-тегжейлі ашылған еді, бұл да пайдалы болуы мүмкін [4].

Латвияның ҚПК-де сотқа дейінгі кезеңде прокурордың жазалау туралы ұйғарымы қолданылады. Бұл институт Қазақстан Республикасының қылмыстық-процестік бұйрықтық іс жүргізуінің табиғатына неғұрлым жақын болып көрінеді. Латвияда ҚПК-нің 420-бабына сәйкес бұл сотқа дейінгі процесс қылмыстық құқық бұзушылық немесе онша ауыр емес қылмыс үшін қолданылады және прокурор жасалған қылмыстық іс-әрекеттің сипатын және адамның деректерін және істің басқа да мән-жайларын сипаттайтын келтірілген зиянды ескере отырып, оған бас бостандығынан айыруға байланысты жаза қолдану талап етілмейтініне көз жеткізеді, алайда ол жазасыз қалдырылуы мүмкін емес және осыған байланысты прокурор жазалау туралы ұйғарым жасай отырып қылмыстық процесті тоқтата алады [5].

Қазақстандағы шетелдік тәжірибені ескере отырып, қылмыстық-процестік бұйрықтық іс жүргізуді қолдану негіздері әлемдік тәжірибеге сәйкес келеді. Оған қоса, институтты Қазақстанда қолдану мүмкін болмау жағдайлары толық ұтымды болып табылады, бұл қылмыстық процесте адам құқықтарын қорғау және сақтау қағидаттарына толық сәйкес келеді.

Швейцарияда қазақстандық бұйрықтық іс жүргізу институтына ұқсас – жазалау туралы бұйрық бар. Оның ерекшеліктеріне, егер айыпталушы алдын-ала іс жүргізуде оның кінәсін куәландыратын мән-жайларды мойындаған немесе оларды жеткілікті түрде басқа жолмен анықтаған жағдайларда оны прокуратура шығаратынын жатқызуға болады. Сонымен қатар қосымша кепілдік ретінде, егер айыпталушы, өзге де мүдделі тұлғалар, сондай-ақ жоғары тұрған прокуратура органдары тарапынан 10 күн ішінде қарсылықтар туындамаса, онда Швейца-

рияның ҚПК-нің 354-бабының 1-бөлігіне сәйкес жазалау туралы бұйрық сот үкіміне тең болады деп көзделген.

Прокурор мынадай жаза түрлерінің бірін тағайындауға құқылы: Қылмыстық кодекстің нормаларында көзделген ауыр емес айыппұл (die Busse); 180 тәуліктік мөлшерлеме мөлшерінен аспайтын қылмыстық айыппұл (die Geldstrafe); қоғамдық жұмыстар, бірақ 720 сағаттан аспайтын; бас бостандығынан айыру (die Freiheitsstrafe) [6, 93-94-б.].

Процеске қатысушылардан прокурордың шешімімен келіспеу туралы өтініш келіп түскен жағдайда, прокурор қарсылықты шешу үшін талап етілетін қосымша дәлелдемелерді жинайды және төрт шешімнің бірін қабылдайды: жазалау туралы бұйрықты күшінде қалдыру; іс жүргізуді тоқтату; жазалау туралы жаңа бұйрық шығару; бірінші сатыдағы сотқа айып тағу.

Егер прокурор жазалау туралы бұйрықты өзгеріссіз қалдыруды талап етсе, онда ол істі мәні бойынша қаралатын бірінші сатыдағы соттың қарауына ұсынады. Содан кейін сот жазалау туралы бұйрықты күшінде қалдыруға не оны жарамсыз деп тануға және істерді жалпы тәртіппен алдын ала тергеу жүргізу үшін прокуратураға жіберуге құқылы [6, 94-б.].

Жүргізілген талдау негізіндегі қорытындылар:

1. Күдіктінің қылмыстық-процестік бұйрықтық іс жүргізуді қолдану құқығын іске асыру үшін қылмыстық процесті жүргізетін органның оны қорғаушының қатысуымен (іске қатысқан кезде), оның ішінде ерекше іс жүргізудің осы түрінің құқықтық салдарын тиісті түрде түсіндіру міндетін енгізген жөн. Ол үшін негізгі, оның ішінде институтты қолданудың құқықтық салдарын түсіндіретін құқықтар мен міндеттер жиынтығын айналымға енгізуге болады (Миранда қағидасына ұқсас).

2. Кейбір елдерде құқық бұзушылықтың белгілі бір түрлері үшін санкциялар ретінде айыппұл ғана емес, сонымен қатар жазаның басқа да түрлері болып табылады. Бұл факт, бәрінен бұрын, жеделдетілген нысандар қылмыстық істердің әртүрлі санаттары бойынша қолданылатындығына байланысты. Бірақ мұндай тәжірибе заңдылықтың сақталуын тиімді және тәуелсіз сот бақылауы мен қадағалауы бар, сыбайлас жемқорлық барынша азайтылған елдерде кең таралған.

Бұйрықтық іс жүргізу тәртібімен қылмыстық құқық бұзушылықтар құрамын кеңейту (ауырлығы орташа, ауыр қылмыстар) осы кезеңде мерзімінен бұрын болып көрінеді.

3. Қазақстан Республикасының қылмыстық-процестік бұйрықтық іс жүргізуде айыппұлмен қатар қоғамдық жұмыстарға тарту түріндегі жазалаудың балама түрін енгізген жөн.

Қорытындылай келе шетелдік, оның ішінде қылмыстық және қылмыстық-процестік заңнаманың сол немесе өзге нормаларының құқықтық рецепциясы туралы шешім қабылдаған кезде оның қолайлы болатын үш құрамдас фактордың болуын назарға алу қажет екенін атап өткен жөн:

– құқық қолдану қызметі үшін, оның ішінде бар қайшылықтарға, коллизияларға, қолданыстағы құқықтық реттеудегі олқылықтарға байланысты нақты қажеттілік;

– саяси бастама құқықтық модельді жүйелі, кешенді, кезең-кезеңімен және пилоттық жаңғыртуды жүргізу кезінде жоғары мемлекеттік басшылардың еркі ретінде. Қылмыстық және қылмыстық-процестік заңнама саласындағы құқықтық қатынастарды ұлттық деңгейде ұтымды реттеуді жүзеге асыру;

– шешімдер қабылдау тәуекелдерін бағалауды жүргізу, болжау және құқықтық модельдеу әдістерін қолдану.

Пайдаланған әдебиеттер тізімі

1. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительно теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. Монография. – СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006. – 264-б.
2. Хупсергенов Х.М. Упрощенные формы производства в уголовном процессе зарубежных стран: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 160-б.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия // Электрондық ресурс: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf> (Жүгіну күні: 22.04.2023 ж.).
4. Приказное производство в уголовном процессе Германии // ҚР Заңнама және құқықтық ақпарат институтының Жаршысы. 2020. № 5 (63). - 207-212-б.
5. Уголовно-процессуальный закон Латвии // Электрондық ресурс: http://www.pravo.lv/likumi/29_upz.html (Жүгіну күні: 22.09.2019 ж.).
6. Трефилов А.А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 336-б

МЕРЕЙТОЙ ИЕСІН ҚҰТТЫҚТАУ / ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЮБИЛЯРА / CONGRATULATIONS OF THE HERO OF THE DAY

Нурышева Толкын Серикгалиевна родилась 02 июня 1973 года в Семипалатинской области Чубартауский район, село Жорга.

Толкын Нурышева окончила юридический факультет Карагандинского государственного университета им. Е.А.Букетова в 1995 году. Кандидат юридических наук, доцент. Специальность 12.00.02. – Конституционное право, Административное право, Финансовое право, Муниципальное право.

Трудовую деятельность начала в 1995

в качестве преподавателя кафедры «Гражданского и трудового права» КарГУ им. Е.А. Букетова.

С 2000 – 2010 гг. – доцент кафедры «Конституционного права и государственного управления» КазГЮУ.

С 2010 – 2015 гг. – доцент кафедры «Государственного управления и государственной службы» Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан.

С 2015 – 2016 гг. – доцент кафедры «Го-

сударственно-правовых дисциплин» – АО «Университет КАЗГЮУ».

С 2016 – 2021 гг. – доцент кафедры «Конституционного и административного права» Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан.

С 2021 г. по настоящее время является директором Научно-образовательного центра государственно-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан.

Толкын Серикгалиева – автор более 50 научных, научно-методических публикаций по актуальным проблемам конституционного права, административного права и государственного управления.

Она награждена почетными грамотами Верховного Суда РК, Союза судей РК, Академии государственного управления при Президенте РК, нагрудным знаком «Құрмет белгісі» к 20-летнему юбилею КазГЮУ, медалью «КазГЮУ – 15 лет», медалью КазГЮУ «Ең үздік оқытушы» (2007 г.). «Лектор года» КазГЮУ (2008 г.); «Лучший преподаватель КазГЮУ» (2005 г.).

Нурышева Толкын Серикгалиевна ак-

тивно участвует в общественной жизни Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан. Она является секретарем Ученого Совета Академии.

50-летний юбилей – это дата, которая открывает новый этап в творческой, научной деятельности, потому что он уже основывается на возможностях систематизации и аналитического обобщения накопленного опыта и знаний. Желаем Вам дальнейших достижений на профессиональном поприще.

Хочется особо высказаться о Вашей человечности, отзывчивости, мудрости, о Вашей внутренней красоте, совестливости, которые так необходимы в педагогической деятельности.

Коллектив Академии правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан и редакция журнала «Вестник Академии правосудия» поздравляют Вас с юбилеем и желают крепкого здоровья и творческих успехов в работе. Пусть Ваша жизнь будет насыщена радостными эмоциями, высокими целями и успехами, неизменной удачей!

ЖУРНАЛҒА МАТЕРИАЛДАРДЫ ҰСЫНУ ТӘРТІБІ ЖӘНЕ МАҚАЛАЛАРҒА ҚОЙЫЛАТЫН ТАЛАПТАР

Жариялау үшін ұсынылатын материал бұрын жарияланбаған түпнұсқа болуы керек. Нөмірде жариялауға бір мезгілде автордың бір ғана мақаласынан және бірлескен авторлықтағы бір мақаладан артық емес қабылданады.

Студенттердің жұмысы қабылданбайды. Магистранттар мен докторанттардың мақалалары ғылыми жетекшінің оң пікірі болған кезде жарияланады. Ғылыми журналдың редакциялық кеңесі жариялау үшін мақалаларды таңдау құқығын өзіне қалдырады. Іріктеу критерийлері: ғылыми және тәжірибелік маңыздылығы және дизайн талаптарына сәйкестігі.

Автормен қол қойған ғылыми мақала редакцияға электрондық нысанда ұсынылады. Мақала мәтінде автор(лар) туралы мәліметтер (қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде) көрсетіледі:

- автордың тегі, аты, әкесінің аты (толық);
- жұмыс орны, автордың(лардың) лауазымы;
- ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы;
- байланыс ақпараты (e-mail, моб. және жұмыс телефондары).

Ғылыми мақалада мыналар болуы керек:

- УДҚ;
- мақаланың атауы (қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде);
- аннотация (жұмыстың қысқаша мазмұны, қорытындылар, кемінде 80-нен 100 сөзге дейін) (қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде);
- түйінді сөздер (8-10 сөзден кем емес) (қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде);
- библиографиялық тізім (кемінде 5);
- «библиографиялық сілтеме» Мемлекеттік стандартқа сәйкес ресімделген мақалалық библиографиялық сілтемелер;

- мақала мәтіні.

Мәтінді ресімдеуге қойылатын талаптар:

- қолжазба мәтіні Microsoft Word for Windows * форматында берілген.doc, А4 бет өлшемі;
- бағдар-кітап, бетті нөмірлеу жоқ, аударымдар жоқ;
- шеттері: оң, сол, жоғарғы, төменгі 2,0 см;
- Times New Roman шрифті;
- кегль 14;
- аралық интервал 1;
- абзац шегінісі 1 см;
- Сілтемелер мәтіндегі сілтеме ретімен қатаң нөмірленуі керек. Мақала мәтіндегі сілтеме нөмірі төртбұрышты жақшада ресімделеді. Мәтіндегі әдебиетке бірінші сілтемеде [1] нөмірі болуы керек, екіншісі – [2] және т. б. мақаланың негізгі мәтіндегі кітапқа сілтеме пайдаланылған беттерді көрсетумен бірге жүруі керек (мысалы [3, 316 бет]);
- мәтінді ені бойынша туралау;
- қолжазба көлемі - көрсетілген форматтағы 8-10 бет.
- мақаланың атауы орталықта, шегініссіз, бас әріптермен;
- Microsoft Office бағдарламалық пакетінің формула редакторын пайдаланыңыз.

УДК

МАҚАЛАНЫҢ АТАУЫ

СУЛЕЙМЕНОВ АЛИ НҰРҒАЛИҰЛЫ

заң ғылымдарының кандидаты, доцент
Қылмыстық-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының доценті,
Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы,
Бейбітшілік көшесі, 46, 010000 Астана, Қазақстан,
709-0000@mail.ru, 8 7172 00 00 00

Аннотация.
Түйін сөздер.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

СУЛЕЙМЕНОВ АЛИ НУРГАЛИЕВИЧ

кандидат юридических наук, доцент
доцент Научно-образовательного центра уголовно-правовых дисциплин,
Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан,
ул. Бейбітшілік, 46, 010000 Астана, Казахстан,
709-0000@mail.ru, 8 7172 00 00 00

Аннотация.
Ключевые слова.

TITLE

SULEYMENOV ALI

PhD in Law, Associate Professor
Associate Professor of the Scientific and Educational Center of Criminal Law Disciplines,
Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan,
46, Beibitshilik, 010000 Astana, Kazakhstan,
709-0000@mail.ru, 8 7172 00 00 00

Abstract.
Keywords.

Текст. Текст. Текст. [1, с. 16–18], А.Б. Муратов [2, с. 26].

Список использованных источников

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В ЖУРНАЛ И ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не публиковавшимся ранее. К публикации в номере одновременно принимается не более одной единоличной статьи автора и одной статьи в соавторстве.

Работы студентов не принимаются. Статьи магистрантов и докторантов публикуются при наличии положительной рецензии научного руководителя. Редакционный совет научного журнала оставляет за собой право отбора статей для опубликования. Критерии отбора: научная и практическая значимость и соответствие требованиям к оформлению.

Научная статья, подписанная автором, предоставляется Редакции в электронной форме.

В тексте статьи указываются сведения об авторе(ах) (на казахском, русском и английском языках):

- фамилия, имя, отчество автора(ов) (полностью);
- место работы, должность автора(ов);
- ученая степень, ученое звание;
- контактная информация (e-mail, моб. и раб. телефоны).

Научная статья должна содержать:

- УДК;
- название статьи (на казахском, русском и английском языках);
- аннотацию (краткое изложение работы, выводы, не менее от 80 до 100 слов) (на казахском, русском и английском языках);
- ключевые слова (не менее 8-10 слов) (на казахском, русском и английском языках);
- библиографический список (не менее 5);
- постатейные библиографические ссылки, оформленные в соответствии с ГОСТом «Библиографическая ссылка»;
- текст статьи.

Требования к оформлению текста:

- текст рукописи предоставляется в формате Microsoft Word for Windows *.doc, размер страницы А4;
- ориентация - книжная, без нумерации страниц, без переносов;
- поля: справа, слева, сверху, снизу 2,0 см;
- шрифт Times New Roman;
- кегль 14;
- междустрочный интервал 1;
- абзацный отступ 1 см;
- Ссылки должны быть пронумерованы строго по порядку упоминания в тексте. Номер ссылки в тексте статьи оформляется в квадратных скобках. Первая ссылка в тексте на литературу должна иметь номер [1], вторая – [2] и т. д. Ссылка на книгу в основном тексте статьи должна сопровождаться указанием использованных страниц (например [3, 316 стр.]);
- выравнивание текста по ширине;
- объем рукописи – 8-10 страниц указанного формата;
- название статьи по центру, без отступа, прописными буквами;
- использовать редактор формул пакета программ Microsoft Office.

УДК

МАҚАЛАНЫҢ АТАУЫ

СУЛЕЙМЕНОВ АЛИ НҰРҒАЛИҰЛЫ

заң ғылымдарының кандидаты, доцент
Қылмыстық-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының доценті,
Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы,
Бейбітшілік көшесі, 46, 010000 Астана, Қазақстан,
709-0000@mail.ru, 8 7172 00 00 00

Аннотация.
Түйін сөздер.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

СУЛЕЙМЕНОВ АЛИ НУРГАЛИЕВИЧ

кандидат юридических наук, доцент
доцент Научно-образовательного центра уголовно-правовых дисциплин,
Академия правосудия при Верховном Суде Республики Казахстан,
ул. Бейбітшілік, 46, 010000 Астана, Қазақстан,
709-0000@mail.ru, 8 7172 00 00 00

Аннотация.
Ключевые слова.

TITLE

SULEYMENOV ALI

PhD in Law, Associate Professor
Associate Professor of the Scientific and Educational Center of Criminal Law Disciplines,
Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan,
46, Beibitshilik, 010000 Astana, Kazakhstan,
709-0000@mail.ru, 8 7172 00 00 00

Abstract.
Keywords.

Текст. Текст. Текст. [1, с. 16–18], А.Б. Муратов [2, с. 26].

Список использованных источников

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
- 5.

**«СОТ ТӨРЕЛІГІ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ХАБАРШЫСЫ»
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ**

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВОСУДИЯ»**

**SCIENTIFIC JOURNAL
«BULLETIN OF THE ACADEMY OF JUSTICE»**

Дизайн и верстка: Шияпов О.С.
Заказ №806
Тираж: 100

Отпечатано в АО «Кокше-Полиграфия»
020000, г. Кокшетау, ул. Ауельбекова, 98

Басуға 15.06.2023 қол қойылды.
Подписано к печати 15.06.2023.

